

ВЕСТНИК

ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2409-4102

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2014 году

ОБРАЗОВАНИЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ 2019 № 3—4 (7—8)

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

академик РАН, доктор медицинских наук, профессор *А. В. Важенин*

Ответственный секретарь

кандидат биологических наук *А. А. Минасова*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. Г. Дегтярь, академик РАН, доктор технических наук, профессор (Государственный ракетный центр имени академика В. П. Макеева, Россия); *В. А. Тупиков*, кандидат медицинских наук (Челябинский государственный университет, Россия), *Н. А. Шаназаров*, доктор медицинских наук, профессор (Больница медицинского центра управления делами президента Республики Казахстан, Казахстан).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

А. Ю. Савочкина, доктор медицинских наук, председатель редакционной коллегии (Челябинск); *Н. В. Держинский*, кандидат медицинских наук (Челябинск); *А. И. Долгушина*, доктор медицинских наук (Челябинск); *А. С. Доможирова*, доктор медицинских наук (Челябинск); *А. В. Привалов*, доктор медицинских наук, профессор (Челябинск); *Н. М. Эрлихман*, кандидат медицинских наук (Челябинск).

Редакция журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.

Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов по отраслям:
медицинские науки, биологические науки, технические науки.

Журнал выходит
четыре раза в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 57а
Тел. +7 (351) 799-71-58

С требованиями
к оформлению статей можно
ознакомиться на сайте
журнала
[http://www.csu.ru/faculties/
DocLib3/fundamental_medicine.
aspx](http://www.csu.ru/faculties/DocLib3/fundamental_medicine.aspx)

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство
ПИ № ФС77-58492

Журнал включен
в Реферативный журнал
и Базы данных ВИНТИ РАН

Корректурa *О. Е. Шишмаренковой*
Верстка *О. Е. Шишмаренковой*

Подписано в печать 30.12.19.
Выход в свет: 31.12.19.
Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.
Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 5,3.
Тираж 100 экз. Заказ 484.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 57б

BULLETIN

OF CHELYABINSK
STATE UNIVERSITY

ISSN 2409-4102

ACADEMIC PERIODICAL

Founded in 2014

EDUCATION
AND HEALTHCARE

2019 № 3-4 (7-8)

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

A.V. Vazhenin, academician of the RAS, Doctor of Medical Sciences, Professor

Executive secretary

A.A. Minasova, Candidate of Biological Sciences

EDITORIAL BOARD

V.G. Degtyar, Academician of the RAS, Doctor of Technical Sciences, Professor (State Rocket Center named after Academician V.P. Makeev, Russia); *V.A. Tupikov*, Candidate of Medical Sciences (Chelyabinsk State University, Russia); *N.A. Shanazarov*, Doctor of Medical Sciences, Professor (Hospital of the Medical Center for the Administration of the President of the Republic of Kazakhstan, Kazakhstan).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTIONS

A.Yu. Savochkina, Doctor of Medical Sciences, Chairman of the Editorial Board (Chelyabinsk); *N.V. Derzhinskiy*, Candidate of Medical Sciences (Chelyabinsk); *A.I. Dolgushina*, Doctor of Medical Sciences (Chelyabinsk); *A.S. Domozhirova*, Doctor of Medical Sciences (Chelyabinsk); *A.V. Privalov*, Doctor of Medical Sciences, Professor (Chelyabinsk); *N.M. Erlikhman*, Candidate of Medical Sciences (Chelyabinsk).

The Editorial Board may not share the views of the authors.

Authors are responsible for the article content and quality of annotations' translation.

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific journals
in the following branches of knowledge:
Medical Sciences, Biological Sciences, Technical Sciences.

The journal is published
four times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
57a Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia
Telephone: + 7 (351) 799-71-58

All the requirements
are available on the web-site
[http://www.csu.ru/faculties/DocLib3/
fundamental_medicine.aspx](http://www.csu.ru/faculties/DocLib3/fundamental_medicine.aspx)

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИ № ФС77-58492

Abstracting and indexing
in Referativny Zhurnal
and VINITI Database RAS

Proofreader *O. E. Shishmarenkova*
Imposition by *O. E. Shishmarenkova*

Passed for printing 30.12.19.
Date of publication 31.12.19.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 6,5.
Ac.-publ. sh. 5,3.
Circulation 100 copies. Order 484.
Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕДОВАЯ

- Камалетдинова А. Я., Невелев А. Б.* Мировоззренческие подходы к феномену здоровья в различных культурах 5

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Комелькова М. В., Попков П. Н., Попова Д. А., Федоров С. А., Платковский П. О., Лапшин М. С., Цейликман В. Э.* О перспективе коррекции синдрома посттравматических стрессорных расстройств обогащенными ресвератролом продуктами питания 9
- Караваева С. А.* Формирование социогуманитарной культуры студентов университета 14

СООБЩЕНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- Пономарева И. В., Сизова Я. Н., Куба Е. А.* Методы диагностики выученной и личностной беспомощности у молодежи 23

ОБЗОР МНЕНИЙ

- Лежнева Н. В.* Формирование готовности студентов региональных вузов к инновационной предпринимательской деятельности: история становления проблемы, пути решения. 27

ОБМЕН ОПЫТОМ

- Белоусова С. А., Войниленко Н. В., Светлакова Л. В.* Регуляторные процессы у детей с тяжелыми нарушениями речи: подходы к исследованию. 39
- Першина А. В., Быструшкина Н. Г.* Особенности практического мышления у сотрудников скорой медицинской помощи 45
- Макеева А. Ю., Васильева Т. И.* Сопоставление профессионально значимых качеств у будущего и действующего актера 49

CONTENT**LEADER**

- Kamaletdinova A.Ya., Nevelev A.B.** Worldview Approaches to the Phenomenon of Health
in Different Cultures 5

EXPERIMENTAL CONTENT

- Komelkova M.V., Popkov P.N., Popova D.A., Fedorov S.A., Platkovskiy P.O., Lapshin M.S.,
Tseilikman V.E.** Therapeutic Potential of Resveratrol Using As a Dietary
Supplement in Post-Traumatic Stress Disorder Treatment 9
- Karavaeva S.A.** Formation of Socio-Humanitarian Culture of University Students 14

REPORTS OF YOUNG SCIENTISTS

- Ponomareva I.V., Sizova Y.N., Cuba E.A.** Diagnostic Methods of Learned and Personal
Security in Youth 23

OVERVIEW OF OPINIONS

- Lezhneva N.V.** Formation of Readiness of Students of Regional Higher Education
Institutions for Innovative Business Activity: History of Formation
of a Problem, Solution. 27

EXCHANGE OF EXPERIENCE

- Belousova S.A., Voynilenko N.V., Svetlakova L.V.** Regulatory Processes in Children
with Severe Speech Disturbances: Research Approaches 39
- Pershina A.V., Bystrushkina N.G.** Features Practical Thinking at Employees Ambulance 45
- Makeeva A.Yu., Vasilyeva T.I.** Comparison of Professionally Significant Qualities
for a Future and Current Actor 49

ПЕРЕДОВАЯ LEADER

Вестник Челябинского государственного университета.
Образование и здравоохранение. 2019. № 3—4 (7—8). С. 5—8.

УДК 130.2
ББК 87.52

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФЕНОМЕНУ ЗДОРОВЬЯ В РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУРАХ

А. Я. Камалетдинова, А. Б. Невелев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В процессе сравнительного анализа подходов к здоровью человека в разных культурных традициях V—IV вв. до н. э. определяем, что объединяющим является понимание целостного единства человека. Нарушение гармоничной целостности влечет за собой нездоровье.

Ключевые слова: *восточная, европейская традиции, здоровье, целостность, единство.*

Одной из фундаментальных ценностей бытия человека с древних времен до наших дней является категория здоровья. Здоровье не просто как аксиологическая характеристика телесного существования индивида. Ценностью выступает сохранение и поддержание на определенном уровне телесного, психического, интеллектуального здоровья человечества.

В различных онтологических моделях понимания мира феномен здоровья интерпретируется в зависимости от методологических оснований, учитывающих различные состояния человека и его место в реальной действительности. Исходим из положения, что представление о здоровье в процессе развития цивилизации меняется в зависимости от исторических, культурных, социально-экономических и других условий, поэтому любое определение будет относительно восточной или западной традиций.

В восточной традиции здоровый человек — это гармоничный человек, единый с природой. Состояние здоровья рассматривается как соразмерность противоположных начал. Гармония внутреннего и внешнего бытия человека представляет целостное единство. В современном мире, испытывавшем на себе сильное влияние западной традиции, это целостное единство нарушено. На практике в понимании здоровья человека отсутствует целостный гармоничный взгляд. Метафорически можно назвать этот подход «кубистическим», потому что конкретными науками (медициной, психологией, педагогикой и др.) рассматривается приоритетно лишь какой-то отдельный аспект здоровья человека.

В китайской философии *дао* есть «всё», есть суть тотального бытия [2; 4]. Лао-цзы разделяет *дао*, не имеющее имя, которое «есть начало неба и земли» [1. С. 182], и *дао*, имеющее имя, которое «есть мать всех вещей» [Там же]. Дао есть единое целое, в аспекте которого понимаешь гармонию бытия человека в единстве духовного и материального. Здоровый человек в восточной традиции, руководствующийся *дао*, живет в гармонии с природой и самим собой. Гармония с природой предполагает само естество, в котором нет места инородному вмешательству, нарушающему целостность индивида. В *дао* заключен принцип естественности и простоты, что и является основой здоровья человека Востока. Реализация принципа естественности осуществляется в требовании бесстрастности и постоянства (традиционализм), что является характеристикой психоэмоционального здоровья человека. Дыхание, данное человеку от природы, воспринимаемое как данность, совершенствуется через востребованные в современных условиях дыхательные гимнастики, обучающие человека правильно дышать и запускать *ци*. Любая медитативная техника в восточной традиции развивает способность позитивно управлять *ци*.

Лао-цзы предположил, что именем *дао* может стать «*Великое*». Появление имени влечет за собой реализацию в мире вещей. Китайский мыслитель отметил, что «*Великое* — оно в бесконечном движении. Находящееся в бесконечном движении не достигает предела» [Там же. 183]. Какой из медиков не исповедует этот постулат. Бытие есть движение, жизнь человека есть тоже ни на мгновение не прекращающееся движение, сбой в котором можно

фиксировать как начало нарушения целостности (начало болезни).

Лао-цзы утверждал, что «*дао* — глубочайшие врата рождения» [1. С. 183] *единого*, порождающего два диалектически противоположных начала (*инь* и *ян*), которые, в свою очередь, могут породить третье (*сущее* — живое). Неисчерпаемое пере-рождение противоположного — суть неисчерпаемого «движения *дао*» [Там же. С. 185]. Все *единое* наполнено энергией *ци*. В восточной традиции энергия *ци* есть показатель здоровья отдельного индивида. Любой лекарь в первую очередь рекомендует закрыть энергийные бреши, восполнить *ци*. Пополнить *ци* возможно из *единого*. Таким образом, восточный человек черпает свое здоровье в самом *бытии*.

Самая «глубокая истина» даосизма открывается в положении о диалектическом единстве противоположных начал. «Все существа укрепляются после ослабления и ослабляются после укрепления (гл. 42)» [Там же]. Пределы между противоположностями нечетки и непостоянны, иногда они предполагаемы, но они есть. Гармоничное балансирование на границе позволяет придерживаться некой середины (в нашем случае — относительного здоровья). Человек, сохраняющий индивидуальное *ци* и бережно относящийся к *ци* *единого*, может запустить механизм борьбы с несовершенством (нездоровьем). Последователь даосизма поставлен самим бытием в условия здорового существования, указывая «универсальный путь» к нему.

Смысл жизни человека восточной традиции — в здоровье бытия, всеобщего и особенного; в этом и есть *истина*. Редко в литературе, посвященной проблемам философии здоровья, можно найти упоминания о пути обретения истины. Поэтому приятным исключением стало исследование Г. И. Шалыгиной, в котором здоровье рассматривается как постоянный, ни на мгновение не прекращающийся процесс (не данность от рождения и не результат). Она отмечает, что «обретение здоровья — это *обретение истины* организмом и для организма, ибо здоровье обладает всеми характеристиками истины — естественностью, целостностью, неделимостью, ценностью» [8. С. 24]. И этой истиной является гармония духа и тела, что и есть жизнь человека.

Такие подходы были намечены и в европейской традиции еще с древних времен, где болезнь рассматривалась как нарушение гармонии между противоположными началами. Выдающийся последователь Пифагора Алкмеон определял здоровье как

«демократическое равноправие... элементарных сил» [6. С. 272]. В нарушении гармонии греческий философ выделял три вида причин болезни: внешние, внутренние (сущностные) и места локализации. Созвучные положения находим в труде Гиппократов «О древней медицине», в котором выделены две составляющие здоровья человека: телесная и душевная, гармоничное единство которых обеспечивает здоровье индивида. Многие медицинские трактаты VI—V вв. приписываются великому философу и медику Гиппократу (по мнению некоторых исследователей, не все они ему принадлежат) и составляют популярный трактат «Корпус Гиппократов».

В трактате «О священной болезни» Гиппократ вступает в полемику с представителями религиозно-мистического врачевания. К «святым недугам» мыслитель относит необъяснимые, причину возникновения которых по тем временам нельзя было объяснить с точки зрения разума. В них Гиппократ видит божественное предназначение. Если медик не понимает причин и природы болезни, то как он может их лечить, задается вопросом Гиппократ. Вызывают сомнения и методики лечения: одни врачеватели использовали магию, а другие — «святотатственную» практику.

В практике врачевания Гиппократ указывает, что первоначально следует выявить причину болезни, не опускаясь до абсурдного смешения природных, естественных причин с внеположенным (неподвластным человеческому разуму). Великий врачеватель первоначально пытается найти и объяснить причину «святого недуга» (эпилепсии) исходя из внешних материальных условий, используя почти математические методы «вычитания» и «соединения» элементарных сил: сладкого и горького, холодного и горячего и т. д. На этом основании медикам рекомендовано определить режим правильного, гармоничного сочетания противоположных начал, в чем и кроется залог успеха лечения, даже «святого недуга» (помним, что он относится к разряду «внеположенных»).

Детерминированности болезней от окружающей среды был посвящен новаторский для того времени трактат «О водах, воздухе и местностях», обосновывавший необходимость осознания целостности организма для того, чтобы позитивно влиять на часть (болезнь). Совокупность и соотношение внешних координат (климат, география, экологические показатели и др.) могут оказывать существенное влияние на характер и течение болезни. Лекарь обязан обращать внимание на дис-

гармонию соотношения факторов, прежде чем наметить методику лечения.

Наконец, именно в этом трактате впервые было высказано предположение, что общественная жизнь (влияние политических институтов) может оказывать разрушительное воздействие на общее здоровье индивида. Логически обосновано предположение, что тип политического правления неукоснительно ведет к состоянию здоровья или нездоровья нации. В условиях деспотической тирании индивид собственным существованием обрекает себя на немощь, чтобы оказаться непригодным для активного сопротивления в условиях социальной борьбы. В какой-то степени продолжение этого смелого предположения найдет подтверждение у Ш. Монтескье (теория географического детерминизма).

Против догматического подхода в медицине направлен манифест Гиппократов «Древняя медицина», в котором традиционное для того времени

лечение, исходящее из одной только выявленной причины болезни, считается недопустимым. «...Раз взяв за основу один или два постулата, они очевидным образом впадают в ошибку», — утверждает великий врачеватель [3. С. 126]. Поэтому в медицинской практике руководствоваться только единичным, не воспринимая человека в целом, вообще, нельзя. Исходным состоянием индивида является его целостное единство, что и есть здоровье. Любой фактор или причина, если они несоразмерны, могут нарушить эту целостность. В итоге Гиппократ предложил механизм наиболее эффективной модели врачевания, в которой систематизировано знание о прошлом, настоящем и будущем больного. Мастерство медика должно включать позитивную лечебную практику (эмпирику), систематизацию и детальное описание результатов врачевания, наконец, теоретическое осмысление медицинской практики и рекомендации по организации врачебного дела.

Список литературы

1. Антология мировой философии: Философия древности и средневековья : в 4 т. Т. 1, ч. 1. — М. : Мысль, 1969. — 576 с.
2. Древнекитайская философия : собр. текстов : в 2 т. Т. 1, 2. Философское наследие. — М.: Мысль, 1973.
3. Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней. Античность и Средневековье. 1—2 / Дж. Реале, Д. Антисери ; в пер. и под ред. С. А. Мальцевой. — СПб. : Пневма, 2003. — 688 с.
4. Невелев, А. Б. Школы древнекитайской философии: опыт предметно-энергийного исследования / А. Б. Невелев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2017. — № 1 (397). Философские науки. Вып. 43. — С. 73—77.
5. Невелев, А. Б. Опыт предметно-энергийного исследования древнекитайской философии / А. Б. Невелев, А. Я. Камалетдинова // Materials of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration” : reports in English (June 14—15, 2018. Beijing, PRC). — P. 64—68.
6. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А. В. Лебедев. — М. : Наука, 1989. — 576 с.
7. Философия здоровья / ред. кол. О. Е. Баксанский, И. К. Лисеев [и др.]. — М. : Изд-во ИФ РАН, 2001. — 242 с.
8. Шалыгина, Г. И. Философия здоровья: советы на каждый день и на всю жизнь / Г. И. Шалыгина. — СПб., 1994.

Сведения об авторах

Камалетдинова Альфия Янаховна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. allakamaletdinova@rambler.ru

Невелев Анатолий Борисович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. fillos@csu.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.
Education and Healthcare. 2019. № 3—4 (7—8). P. 5—8.*

WORLDVIEW APPROACHES TO THE PHENOMENON OF HEALTH IN DIFFERENT CULTURES

A.Ya. Kamaletdinova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. allakamaletdinova@rambler.ru

A.B. Nevelev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. filos@csu.ru

In the process of comparative analysis of approaches to human health in different cultural traditions of the V-IV centuries BC, we determine that the unifying is the understanding of the integral unity of man. The violation of the harmonious integrity of the entailed ill-health.

Keywords: *Eastern, European traditions, health, integrity, unity.*

References

1. *Antologiya mirovoj filosofii: Filosofiya drevnosti i srednevekov'ya*. V 4 t. T. 1. Ch. 1. Moscow, Mysl', 1969. 576 p.
2. *Drevnekitajskaya filosofiya Sobranie tekstov v 2 t. T. 1, 2. Filosofskoe nasledie*. Moscow, Mysl', 1973. (In Russ.).
3. Reale Dzh., Antiseri D. *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashih dnei. Antichnost' i Srednevekov'ye, 1-2*. St. Petersburg, Pnevma, 2003. 688 p. (In Russ.).
4. Nevelev A.B. Shkoly drevnekitajskoj filosofii: opyt predmetno-energijnogo issledovaniya. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 1 (397). *Filosofskie nauki*, iss. 43, pp. 73-77. (In Russ.).
5. Nevelev A.B., Kamaletdinova A.Ya. Opyt predmetno-energijnogo issledovaniya drevnekitajskoj filosofii. *Materials of the International Conference "Scientific research of the SCO countries: synergy and integration"*. Reports in English (June 14-15, 2018. Beijing, PRC). Pp. 64-68.
6. Lebedev A.V. (compil.). *Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Ch. 1. Ot epicheskikh teokosmogonij do vzniknoveniya atomistiki*. Moscow, Nauka, 1989. 576 p. (In Russ.).
7. Baksanskij O.E., Liseev I.K. [et al.] (editorial board). *Filosofiya zdorov'ya*. Moscow, IF RAN, 2001. 242 p. (In Russ.).
8. Shalygina G.I. *Filosofiya zdorov'ya: sovery na kazhdyj den' i na vsyu zhizn'*. St. Petersburg, 1994. (In Russ.).

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

EXPERIMENTAL CONTENT

Вестник Челябинского государственного университета.
Образование и здравоохранение. 2019. № 3—4 (7—8). С. 9—13.

УДК 159.96.07 + 616-092 + 612.821 + 61:577.1
ББК 88.492+53.51

О ПЕРСПЕКТИВЕ КОРРЕКЦИИ СИНДРОМА ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИХ СТРЕССОРНЫХ РАССТРОЙСТВ ОБОГАЩЕННЫМИ РЕСВЕРАТРОЛОМ ПРОДУКТАМИ ПИТАНИЯ

*М. В. Комелькова^{1,2}, П. Н. Попков², Д. А. Попова¹, С. А. Федоров²,
П. О. Платковский¹, М. С. Лапшин¹, В. Э. Цейликман¹*

¹ Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия

² Южно-Уральский государственный медицинский университет, Челябинск, Россия

Исследования выполнены при поддержке гранта РНФ № 17-15-01318.

Продукты, обогащенные ресвератролом, корректируют эндокринный статус и тревожную симптоматику у животных с посттравматическими стрессорными расстройствами. У стрессированных животных введение ресвератрола снижало выраженность тревожных расстройств, что проявлялось в увеличении времени пребывания в открытых рукавах «приподнятого крестообразного лабиринта» и уменьшении времени пребывания в закрытых рукавах «лабиринта». Обнаружена способность пищевых продуктов, обогащенных ресвератролом, отменять характерную для ПТСР десенситизацию адренокортикоцитов к стимулирующему действию АКТГ, а также регулировать тканевой обмен глюкокортикоидов. Кроме того, потребление продуктов с ресвератролом отменило характерное для ПТСР повышение концентрации адреналина в крови.

Ключевые слова: *посттравматическое стрессорное расстройство (ПТСР), тревожность, ресвератрол, адреналин.*

Актуальность проблемы

В настоящее время со стороны исследователей нарастает интерес к ресвератролу как к адаптогену, способному эффективно корректировать повреждения различных органов и тканей [1]. Более того, в экспериментальных исследованиях выявлена способность ресвератрола увеличивать продолжительность жизни лабораторных животных [3]. Столь многоплановое действие ресвератрола в значительной степени связано с его антиоксидантным действием [2]. Синдром посттравматических стрессорных расстройств (ПТСР) развивается как отдаленное последствие перенесенной психологической травмы и характеризуется нарушениями психического здоровья, которое отягощено развитием психосоматической патологии. Среди сцепленных с ПТСР болезней присутствуют заболевания сердечно-сосудистой системы, сахарный диабет, метаболический синдром и т. д. [6]. ПТСР характеризуется устойчивостью к действию лекарственных препаратов. Поэтому для эффективной коррекции

ПТСР требуются новые немедикаментозные подходы, включающие в себя гипоксические тренировки, умеренные физические нагрузки и функциональные продукты питания. Известно, что ресвератрол преимущественно содержится в различных сортах красного вина [4]. Безусловно, для применения ресвератрола в медицинских целях требуется включение его в другие продукты питания с сохранением его усвояемости для организма. Поэтому целью данной работы являлась проверка способности ресвератрола, внесенного в состав хлебопродуктов, корректировать экспериментальное ПТСР.

Материалы и методы

Исследование выполнено на 32 половозрелых беспородных самцах крыс. Все экспериментальные процедуры проводили в соответствии с регламентом Декларации ЕС от 2010 г. об использовании лабораторных животных.

Были сформированы четыре группы животных: 1-я — «интактные животные», 2-я — «ПТСР», куда

входили крысы, подвергавшиеся воздействию запаха хищника (кошачьей мочи, предаторный стресс) в течение 10 суток по 10 мин ежедневно, с последующим содержанием в стандартных условиях; 3-я — «ресвератрол», состоящая из животных, в рацион которых на протяжении всего эксперимента входили продукты обогащенные ресвератролом; 4-я — «ПТСП + ресвератрол», состоящая из животных, испытывавших предаторный стресс (10 дней по 10 мин) и одновременно получавших продукты, обогащенные ресвератролом, в течение всего времени эксперимента.

Сухой стандартизованный экстракт кожицы черного винограда (Beldzer, Германия; страна происхождения сырья — Китай), содержащий 98,2% ресвератрола (ВЭЖХ), растворяли в 96%-м этиловом спирте до конечной концентрации 20 мг/мл. На заранее подготовленные снэки вносили по 100 мкл растворенного ресвератрола и оставляли на 30 мин в темном месте для испарения спирта. Снэки с ресвератролом раздавали группам «ресвератрол» и «ПТСП + ресвератрол», каждому животному индивидуально в течение всего периода эксперимента.

Для выявления поведенческих проявлений развития ПТСП животных в конце эксперимента тестировали в «приподнятом крестообразном лабиринте» (ПКЛ), где регистрировали время нахождения в открытых и закрытых рукавах в течение 600 с.

В сыворотке крови оценивали уровень кортикостерона, АКТГ, адреналина, кортизола используя иммуноферментные наборы Cloud-Clone Corp (США), и 6β-гидрокортикостерона BlueGene Biotech (Китай).

Результаты и обсуждение

Установлено, что через 14 дней после завершения предаторного стресса у беспородных крыс наблюдались признаки повышенной тревожности, которые выражались в увеличении времени пребывания в темных рукавах лабиринта и сниже-

ния времени пребывания в светлых рукавах. Так, в контроле время пребывания в темных рукавах составило $393,3 \pm 27,8$ с ($n = 6$), а в открытых — $206,7 \pm 39,45$ с ($n = 6$). У стрессированных животных время пребывания в темных рукавах повысилось на 20% и составило $474,0 \pm 37,9$ с ($n = 8$; $p < 0,05$). Соответственно, время пребывания в светлых рукавах снизилось на 40% и составило $126,00 \pm 31,33$ с ($n = 8$; $p < 0,05$). Ресвератрол сам по себе не оказывал статистически значимого влияния на показатели тревожности. В этой группе время пребывания в закрытых рукавах составило $423,5 \pm 78,8$ с ($n = 10$), а в открытых — $176,5 \pm 69,6$ с ($n = 10$). У стрессированных животных введение ресвератрола ограничило выраженность тревожности и расстройств. Так, в группе «ПТСП + ресвератрол» по сравнению с группой «ПТСП» время пребывания в закрытых рукавах снижено на 35% и составило $308,25 \pm 33,85$ с ($n = 10$; $p < 0,05$), а в открытых рукавах повышено в 2,3 раза и составило $291,75 \pm 39,45$ с ($n = 10$; $p < 0,01$). Таким образом, потребление обогащенных ресвератролом продуктов питания способствует нормализации характерных для ПТСП поведенческих расстройств тревожного характера.

Как видно из таблицы ниже, в условиях ПТСП наблюдалось снижение содержания АКТГ. При этом содержание кортикостерона в крови оставалось повышенным, что говорит о повышенном уровне чувствительности адренкортикоцитов пучкового слоя к стимулирующему действию АКТГ. Одновременно наблюдалось повышение содержания 6β-гидрокортикостерона в плазме крови, являющегося продуктом метаболизма глюкокортикоидов через изоформу цитохрома P450-CYP3A. О стимуляции при ПТСП мозгового слоя надпочечников свидетельствует повышенный уровень адреналина в крови. У нестрессированных животных потребление про-

Показатели эндокринного статуса животных, подверженных ПТСП до и после коррекции ресвератролом

Показатель	Контроль	ПТСП	Ресвератрол	ПТСП + ресвератрол
АКТГ	$238,88 \pm 47,08$	$136,41 \pm 54,06^*$	$151,69 \pm 33,49^*$	$205,80 \pm 50,16\#$
Кортикостерон	$6,98 \pm 0,4$	$10,61 \pm 2,8^*$	$11,51 \pm 1,76^*$	$8,30 \pm 3,56\#$
6β-гидрокортикостерон	$0,73 \pm 0,25$	$0,94 \pm 0,13^*$	$0,56 \pm 0,09^*$	$0,76 \pm 0,15\#$
Кортизол	$0,71 \pm 0,25$	$0,75 \pm 0,14$	$1,01 \pm 0,19^*$	$0,67 \pm 0,11$
Адреналин	$463,62 \pm 24,78$	$519,86 \pm 13,59$	$422,72 \pm 10,02^*$	$475,14 \pm 13,45\#$

Примечания

Данные представлены в виде средней арифметической величины и стандартного отклонения ($M \pm SD$).

* Статистически значимые различия по сравнению с контролем, $p < 0,05$.

Статистически значимые различия между «ПТСП» и «ПТСП + ресвератрол», $p < 0,05$.

дуктов питания, обогащенных ресвератролом, приводило к снижению уровня АКТГ при повышенном уровне кортизола. Таким образом, для ресвератрола также характерно повышение чувствительности клеток пучковой зоны надпочечников к стимулирующему действию АКТГ. При этом ресвератрол ограничивает у нестрессированных животных секрецию адреналина. У стрессированных животных потребление продуктов питания, обогащенных ресвератролом, приводило к существенной коррекции характерного для ПТСР эндокринного статуса. Так, в группе «ПТСР + ресвератрол» по сравнению с группой «ПТСР» повышено содержание АКТГ и снижено содержание кортикостерона при одновременном уменьшении уровня β -гидрокортикостерона. Последнее свидетельствует о способности пищевых продуктов, обогащенных ресвератролом, отменять характерную для ПТСР десенситизацию адреноркортицитов к стимулирующему действию АКТГ. Одновременно в группе «ПТСР + ресвератрол» по сравнению с группой «ПТСР» снижалось содержание β -гидрокортикостерона, что свидетельствует об отмене характерной для ПТСР активации тканевого обмена глюкокортикоидов. Кроме того, потребление продуктов питания, обогащенных ресвератролом, отменило характерное для ПТСР повышение концентрации адреналина в крови.

Полученные результаты хорошо согласуются с данными Li и соавт. о способности ресвератрола корректировать тревожные расстройства при ПТСР [5]. В этих исследованиях показано, что

транс-ресвератрол в дозах 10, 20 и 40 мг/кг оказывал реверсивное действие на вызванное экспериментальными ПТСР повышение значений показателей, характеризующих тревожность в тесте «крестообразный лабиринт». Реверсивное действие ресвератрола также касалось значения времени «замораживания» в контекстной парадигме страха. Поведенческие эффекты ресвератрола на экспериментальной модели ПТСР сопровождалось повышением значения индекса надпочечников и концентрации кортикотропин-рилизинг-фактора (CRF), а также повышением дифференциальной экспрессии глюкокортикоидного рецептора (GR) в гипоталамусе, гиппокампе и миндалине. Нейробиологические исследования показали, что транс-ресвератрол усиливал фосфорилирование уровней белка, связывающего элемент ответа цАМФ (pCREB), и уровней нейротрофического фактора, происходящего из мозга (BDNF), которые были снижены у крыс, подвергшихся воздействию TDS. Эти результаты показывают, что транс-ресвератрол защищает нейроны от стрессовых воздействий, подобных ПТСР, путем регуляции функции оси L-HPA и активации нижестоящих нейропротективных молекул, таких как экспрессия pCREB и BDNF. Новизна наших исследований заключается в том, что они демонстрируют наличие протекторного действия пищевых продуктов, обогащенных ресвератролом, что открывает перспективы разработки новых ресвератрол-обогащенных продуктов питания для коррекции ПТСР.

Список литературы

1. Baur, J. A. Therapeutic potential of resveratrol: the in vivo evidence [Электронный ресурс] / J. A. Baur, D. A. Sinclair // *Nature Reviews Drug Discovery*. — 2006. — Vol. 5, iss. 6. — P. 493—506. — URL: <https://doi.org/10.1038/nrd2060>.
2. Brisdelli, F. Resveratrol: a natural polyphenol with multiple chemopreventive properties [Электронный ресурс] / F. Brisdelli, G. D'Andrea, A. Bozzi // *Current Drug Metabolism*. — 2009. — Vol. 10, iss. 6. — P. 530—546. — URL: <https://doi.org/10.2174/138920009789375423>.
3. Chandrashekara, K. T. Aloe vera or resveratrol supplementation in larval diet delays adult aging in the fruit fly, *Drosophila melanogaster* [Электронный ресурс] / K. T. Chandrashekara, M. N. Shakarad // *The Journals of Gerontology, Series A: Biological Sciences*. — 2011. — Vol. 66A, iss. 9. — P. 965—971. — URL: <https://doi.org/10.1093/gerona/glr103>.
4. Kraft, T. E. Fighting cancer with red wine? Molecular mechanisms of resveratrol [Электронный ресурс] / T. E. Kraft, D. Parisotto, C. Schempp, T. Efferth // *Critical Reviews in Food Science and Nutrition*. — 2009. — Vol. 49, iss. 9. — P. 782—799. — URL: <https://doi.org/10.1080/10408390802248627>.
5. Trans-Resveratrol ameliorates anxiety-like behaviors and fear memory deficits in a rat model of post-traumatic stress disorder [Электронный ресурс] / G. Li [et al.] // *Neuropharmacology*. — 2018. — Vol. 133. — P. 181—188. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.neuropharm.2017.12.035>.
6. Yehuda, R. Biology of posttraumatic stress disorder / R. Yehuda // *The Journal of Clinical Psychiatry*. — 2000. — Vol. 61, Suppl. 7. — P. 14—21.

Сведения об авторах

Комелькова Мария Владимировна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории перспективных исследований молекулярных механизмов стресса Южно-Уральского государственного университета (НИУ)»; старший преподаватель кафедры биохимии им. Р. И. Лифшица Южно-Уральского государственного медицинского университета Минздрава России, Челябинск, Россия. komelkovamv@susu.ru

Попков Павел Николаевич — старший преподаватель кафедры биохимии им. Р. И. Лифшица Южно-Уральского государственного медицинского университета Минздрава России, Челябинск, Россия. soi@csu.ru

Попова Д. А. — Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия. soi@csu.ru

Федоров С. А. — Южно-Уральский государственный медицинский университет Минздрава России, Челябинск, Россия. soi@csu.ru

Платковский П. О. — Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия. soi@csu.ru

Лапшин Максим Сергеевич — кандидат биологических наук, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом, заместитель директора Высшей медико-биологической школы Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. lapshin1982@yandex.ru

Цейликман Вадим Эдуардович — доктор биологических наук, профессор, директор Высшей медико-биологической школы Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. vadimed@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

Education and Healthcare. 2019. № 3—4 (7—8). P. 9—13.

THERAPEUTIC POTENTIAL OF RESVERATROL USING AS A DIETARY SUPPLEMENT IN POST-TRAUMATIC STRESS DISORDER TREATMENT

M.V. Komelkova

South-Ural State University (NRU); South Ural State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Chelyabinsk, Russia. komelkovamv@susu.ru

P.N. Popkov

South Ural state medical University of the Ministry of health of the Russian Federation, Chelyabinsk, Russia. soi@csu.ru

D.A. Popova

South-Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia. soi@csu.ru

S.A. Fedorov

South Ural State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Chelyabinsk, Russia. soi@csu.ru

P.O. Platkovskiy

South-Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia. soi@csu.ru

M.S. Lapshin

South-Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia. lapshin1982@yandex.ru

V.E. Tseilikman

South-Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia. vadimed@yandex.ru

We found that a resveratrol-enforced diet improves anxiety symptoms and endocrine status in animals with experimental post-traumatic stress-disorder (PTSD). In the model, resveratrol administration decreased the symptoms of anxiety, which manifested in animals spending more time in the open arms and less time in the closed arms of the elevated plus maze (EPM). We believe that resveratrol taken as a dietary supplement restores the signaling from adrenal cortex ACTH receptors commonly desensitized in PTSD and also exerts a regulatory influence on tissue metabolism of glucocorticoids, also 6 β -hydroxycorticosterone decrease included. Furthermore, we discovered a dietary intake of resveratrol to reverse a PTSD-mediated increase in serum adrenaline.

Keywords: PTSD, anxiety, resveratrol, adrenaline.

References

1. Baur J.A., Sinclair D.A. Therapeutic potential of resveratrol: the in vivo evidence. *Nature Reviews Drug Discovery*, 2006, no. 5 (6), June, pp. 493-506. Available at: <https://doi.org/10.1038/nrd2060>.
2. Brisdelli F., D'Andrea G., Bozzi A. Resveratrol: a natural polyphenol with multiple chemopreventive properties. *Current Drug Metabolism*, 2009, no. 10 (6), July, pp. 530-546. Available at: <https://doi.org/10.2174/138920009789375423>.
3. Chandrashekhara K.T., Shakarad M.N. Aloe vera or resveratrol supplementation in larval diet delays adult aging in the fruit fly. *Drosophila melanogaster. The Journals of Gerontology, Series A: Biological Sciences*, 2011, no. 66A (9), September, pp. 965-971. Available at: <https://doi.org/10.1093/gerona/qlr103>.
4. Kraft T.E., Parisotto D., Schempp C., Efferth T. Fighting cancer with red wine? Molecular mechanisms of resveratrol. *Critical Reviews in Food Science and Nutrition*, 2009, no. 49(9), October, pp. 782-799. Available at: <https://doi.org/10.1080/10408390802248627>.
5. Li G. et al. *Trans*-Resveratrol ameliorates anxiety-like behaviors and fear memory deficits in a rat model of post-traumatic stress disorder. *Neuropharmacology*, 2018, no. 133, May, pp. 181-188. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.neuropharm.2017.12.035>.
6. Yehuda R. Biology of posttraumatic stress disorder. *The Journal of Clinical Psychiatry*, 2000, no. 61 (Suppl. 7), pp. 14-21.

УДК 378.147.34.016:37.013
ББК 74.58

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА

С. А. Караваева

Челябинский государственный университет, Троицкий филиал, Троицк, Россия

В условиях снижения уровня культуры личности в постиндустриальном обществе все более важное значение приобретает проблема формирования социокультурной культуры студентов высшего учебного заведения. Актуальность исследования определяется тем, что в исследованиях выявлена специфика социокультурной подготовки студентов вуза, результатом которой является формирование социокультурной культуры будущих специалистов; определены методологические и концептуальные основания формирования и развития социокультурной культуры будущих специалистов; установлены педагогические условия формирования данного личностного образования.

Ключевые слова: *культура, культурный человек, социокультурная культура, культурологический подход, технологический подход, антропологический подход, студент, модель, педагогические условия, уровни.*

Введение

В условиях снижения уровня культуры личности в постиндустриальном обществе все более важное значение приобретает проблема формирования социокультурной культуры студентов университета.

Именно данное личностное образование способствует процессу личностного развития и формированию способности противостоять негативным процессам, которые происходят в обществе.

Изучение литературы показало, что социокультурная подготовка специалиста в области образования исследовалась многоаспектно. Разработаны методологические подходы и принципы гуманитаризации образования (Н. Г. Багдасарян, В. И. Беляева, Л. Г. Викторова, В. И. Горбунов, Л. В. Хазова и др.); проанализированы функции гуманитарной подготовки в целом и конкретных гуманитарных дисциплин (Л. Г. Викторова, В. И. Горювая, С. И. Уляев, В. В. Грабарь, Б. Б. Косов, А. Н. Кузнецов, М. И. Надеева и др.); разработаны отдельные аспекты проблемы формирования социокультурной культуры специалиста (Л. Г. Викторова, М. Ю. Горбухова, А. С. Запесоцкий, В. Л. Кургузов, М. И. Надеева, А. Н. Ременцов, С. М. Серегин и др.).

Тем не менее в современной педагогической теории практически отсутствуют исследования, посвященные системному рассмотрению проблемы формирования социокультурной культуры студентов университета. Такая постановка вопроса требует исследования следующих основных аспектов проблемы:

— методологические и концептуальные основания формирования и развития социокультурной культуры будущих специалистов;

— специфика социокультурной подготовки студентов университета, результатом которой является формирование социокультурной культуры будущих специалистов;

— педагогические условия формирования социокультурной культуры.

Научная новизна нашего исследования заключается в том, что выявлена сущность понятия «социокультурная культура»; определены концептуальные основания формирования и развития социокультурной культуры; выявлены и экспериментально проверены педагогические условия формирования социокультурной культуры студентов университета.

Практическая значимость исследования заключается в том, что сконструирована и внедрена в образовательный процесс университета модель формирования социокультурной культуры будущих специалистов на основе культурологического, технологического и антропологического подходов при реализации принципов рефлексивности, диалогичности, проблемности, системности, личностной направленности.

Материалы и методы

В качестве обобщенной стратегии решения проблемы формирования данного личностного образования нами были использованы культурологический, технологический и антропологический подходы, что позволило выделить различные уровни функци-

онирования социогуманитарной культуры как социального, технологического и личностного явления.

«Актуальность культурологического подхода вызвана необходимостью научения растущего человека жить рядом с другими людьми. Только этот подход позволяет ввести растущую личность в поликультурное пространство современного мира, открывая для нее одновременно национальные и общечеловеческие ценности.

Культурологический подход позволяет раздвинуть границы личностного пространства, создает условия для приобщения обучающихся к общечеловеческим ценностям, способствует становлению личностной культуры» [11].

Технологический подход предполагает обучение будущих специалистов с помощью практикоориентированных разработок, использование активных форм обучения, транслирование эффективного передового опыта, расширение репертуара профессионального поведения.

Антропологический подход позволяет выйти за пределы познания и практического освоения действительности. Предметом исследования становится личность, механизмы ее формирования и развития.

Выбор данных научных подходов был обусловлен тем, что:

— культурологический позволяет выявить существенные характеристики социогуманитарной культуры;

— технологический способствует разработке методико-инструментального обеспечения процесса формирования социогуманитарной культуры;

— антропологический позволяет установить взаимосвязи, закономерности и особенности функционирования социогуманитарной культуры.

В данном случае мы опирались на положения, разработанные В. И. Слободчиковым и Е. И. Исаевым [15], которые рассматривали типы отношения человека с миром как три парадигмальные установки: «человек-природа» — естественнонаучная парадигма; «человек-общество» — практическая; «человек-культура» — гуманитарная. Первая установка предполагает объективное изучение фактов и явлений окружающего мира; вторая — субъективное истолкование с позиций эксперта-практика; третья — обращена к личностным ценностям, к духовности человека.

Исходя из этого социогуманитарную культуру можно понимать в разноуровневом контексте. В первом случае данное образование является под-

системой культуры сообщества и предполагает сохранение интеллектуального потенциала нации. Во втором — мирное сосуществование всех со всеми при сохранении разнообразия и уникальности культур. В третьем — личностное образование, позволяющее человеку сохранить как свою целостность, так и целостность другого человека, опираясь на общечеловеческие ценности, познание себя и других через понимание, сопереживание, соучастие.

При этом структурными компонентами социо-гуманитарной культуры являются следующие:

— мотивационный (увлеченность процессом познания себя и окружающего мира, направленность на саморазвитие, самообразование, самоактуализацию, способность ставить цели, установка на «альтруизм»);

— когнитивный (объем знаний об определенных терминах и понятиях, связанных с культурой, знаний гуманитарных дисциплин);

— деятельностный (умение использовать знания гуманитарных дисциплин в процессе взаимодействия с людьми с опорой на гуманистические ценности);

— рефлексивный (способность анализировать, оценивать, интерпретировать факты культуры и оценивать свое поведение с точки зрения нравственных принципов).

На основе выделенных подходов и трудов ряда авторов [1; 3; 5; 13] нами была разработана модель формирования социогуманитарной культуры, которая представлена в виде взаимосвязанных блоков: целевого, содержательного, технологического и результативного (рис. 1).

Мы выделили три уровня сформированности социогуманитарной культуры:

— низкий — преобладают внешние мотивы в познавательной деятельности, не стремится познавать себя, низкий уровень направленности на саморазвитие и самосовершенствование; объем знаний об определенных терминах и понятиях, связанных с культурой, незначительный; низкий уровень рефлексии, не способен оценивать факты культуры с точки зрения их общественной и личностной значимости; в деятельности преобладает фрагментарное, репродуктивное мышление, не осознает смысл деятельности, низкий уровень самоуправления, самоконтроля; система гуманистических ценностей не сформирована, низкий уровень коммуникативных способностей;

— средний — проявляется широкий круг разнородных мотивов в познавательной деятельности; стремление познавать себя есть, но не способен

к самоизменению, направленность на саморазвитие и самосовершенствование полностью не сформирована; средний объем знаний об определенных терминах и понятиях, связанных с культурой; средний уровень рефлексии, способен оценивать факты культуры с точки зрения их общественной и личностной значимости, но не может их интерпретировать; в деятельности преобладает комплексное, логическое мышление, осознает смысл своей деятельности, средний уровень самоуправ-

ления, самоконтроля; система гуманистических ценностей сформирована не полностью, средний уровень коммуникативных способностей;

— высокий — преобладает познавательный мотив; есть стремление познавать и изменять себя, сформирована направленность на саморазвитие и самосовершенствование; имеет широкий объем знаний об определенных терминах и понятиях, связанных с культурой; высокий уровень рефлексии, способен оценивать факты культуры с точки

Целевой блок	Цель: формирование социогуманитарной культуры студентов вуза		
	Психолого-педагогические принципы: рефлексивности, диалогичности, проблемности, системности, личностной направленности		
	Задачи: — формирование мотивации к развитию социогуманитарной культуры на основе ценностных установок к познавательной деятельности и самопознанию; — развитие компонентов социогуманитарной культуры на основе разработки дидактического обеспечения процесса формирования данного личностного образования; — формирование социогуманитарной культуры как интегративного образования в процессе использования инновационных образовательных технологий: проблемно-диалоговой, игровой, кейс-стади и др.		
Содержательный блок	Содержание обучения		
	Включение в программу социально-гуманитарных дисциплин профессионально значимой информации	Оптимальное сочетание социально-гуманитарных и психолого-педагогических методов	Использование в содержании обучения разнообразных дидактических материалов для практического овладения компетенциями
Технологический блок	Формы, методы и средства обучения		
	Формы обучения: лекции, практические занятия, экскурсии, конференции	Социально-гуманитарные методы: биографический, историко-генетический, повествовательный, моделирования Психолого-педагогические методы: дискуссионные, кейс-методы, игровые, групповые, тренинги	Средства обучения: кейсы, сценарии игр, тренингов, методические указания к самостоятельной работе студентов
Результативный блок	Критерии: мотивационный, когнитивный, деятельностный, рефлексивный		
	Уровни: высокий, средний, низкий		
	Результат: сформированность социогуманитарной культуры		

Рис. 1. Модель формирования социогуманитарной культуры

зрения их общественной и личностной значимости, может их интерпретировать; в деятельности преобладает креативное мышление, осознает смысл своей деятельности, обладает высоким уровнем самоуправления, самоконтроля; система гуманистических ценностей сформирована полностью, высокий уровень коммуникативных способностей.

Решение проблемы формирования социогуманитарной культуры во многом зависит от выбора педагогических условий. Мы выделили следующие педагогические условия успешного формирования социогуманитарной культуры студентов университета на основе культурологического, технологического и антропологического подходов:

— формирование мотивации к развитию социогуманитарной культуры происходит на основе ценностных установок к познавательной деятельности и самопознанию;

— развитию компонентов социогуманитарной культуры способствует разработка дидактического обеспечения процесса формирования данного личностного образования;

— интеграция компонентов социогуманитарной культуры осуществляется в процессе использования инновационных образовательных технологий: проблемно-диалоговой, игровой, кейс-стади и др.

Исходя из перечисленных особенностей социогуманитарного познания «при выборе методов исследования социогуманитарной культуры студентов возникает вопрос о соотношении качественных и количественных методов. Качественные методы позволяют обеспечить глубокое, индивидуальное понимание изучаемых явлений и процессов. В то же время количественные методы вместе с качественными методами могут составить “взаимно дополняющие средства”» [10]. Таким образом, мы использовали следующие качественные методы исследования: беседа, наблюдение, групповая дискуссия, а также количественные — тесты, анкеты, опросы.

Подбор методик осуществлялся с учетом необходимости диагностики всех компонентов социогуманитарной культуры (мотивационный, когнитивный, деятельностный, рефлексивный).

Использовался следующий инструментарий:

1) тест «Готовность к саморазвитию» В. Павлова [6]; методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потемкиной (выявление установок «альтруизм — эгоизм») [7];

2) авторская методика (С. А. Караваевой) «Социогуманитарная культура в понятиях», состоящая

из 30 заданий тестового характера, в которых испытуемые выбирали верные ответы из предложенных вариантов. Методика направлена на оценку знаний того, что такое социогуманитарная культура, какова ее структура, основных понятий, которые необходимо знать культурному человеку.

3) методика исследования социального интеллекта Дж. Гилфорда и М. Салливена (в адаптации Е. С. Михайловой) для диагностики уровня развития коммуникативных способностей, позволяющих испытуемым использовать знания гуманитарных дисциплин в процессе взаимодействия с людьми с опорой на гуманистические ценности [11];

4) рефлексия оценивалась по методике А. В. Морозова «Способность к рефлексии» [12].

В течение трех лет (2016—2019) мы проводили исследование, в котором приняли участие 80 студентов вузов Троицка Челябинской области (Троицкого филиала Челябинского государственного университета и Института ветеринарной медицины Южно-Уральского государственного аграрного университета). Эксперимент проходил на базе ЧелГУ в Троицком филиале. Целью эксперимента являлась проверка эффективности педагогических условий формирования социогуманитарной культуры студентов. Экспериментальные и контрольные группы студентов были подобраны таким образом, чтобы контролируемые параметры несущественно различались.

Результаты тестирования показали, что экспериментальные и контрольные группы разного года приема в университет по рассмотренным показателям несущественно отличаются между собой. В контрольных группах процесс формирования социогуманитарной культуры носил традиционный характер; в экспериментальных проверялась эффективность комплекса педагогических условий, определенная гипотезой.

Рассмотрим особенности.

Изучение социально-гуманитарных дисциплин предполагает фиксацию в содержании образования и обнаружение в познавательной деятельности личностного отношения к себе, изучаемым явлениям и объектам окружающего мира. Например, в процессе преподавания истории, философии, психологии и педагогики применялись особого типа задания: задачи на ценностно-смысловую ориентировку, содержащие проблемные ситуации особого рода — ценностные проблемные ситуации. Обучающиеся должны решать ее, руководствуясь определенными ценностными ориентациями.

Развитие структурных компонентов социокультурной культуры и их интеграция происходят при использовании в образовательном процессе интерактивного обучения, суть которого заключается в том, что все студенты вовлекаются в процесс познания и активного взаимодействия. При этом диалогическое общение способствует самораскрытию каждого участника, развитию умений работать в команде, быть гибким, мобильным. Главным становится понимание того, что любое действие, слово, даже мысль оказывают влияние на других людей, что в большей степени необходимо обращать внимание на свое внутреннее состояние, свои мысли, а это гораздо сложнее, чем анализировать других. В процессе такого взаимодействия приходит понимание того, что сущность человека проявляется именно в отношении к другому человеку.

Регулярное применение на занятиях интерактивных технологий позволило обучающимся овладеть методами самостоятельной работы, что способствовало, в свою очередь, развитию компонентов социокультурной культуры.

Успешному формированию социокультурной культуры студентов способствовало также дидактическое обеспечение этого процесса. По всем дисциплинам гуманитарного цикла разработаны методические рекомендации к практическим занятиям, а также к организации самостоятельной работы.

Результат

Реализация выдвинутых нами теоретических положений и педагогических условий формирования социокультурной культуры позволила оптимизировать рассматриваемый процесс. Представленные результаты позволяют оценить, насколько успешной была данная работа, которая в совокупности и определяет эффективность рассматриваемого процесса (рис. 2).

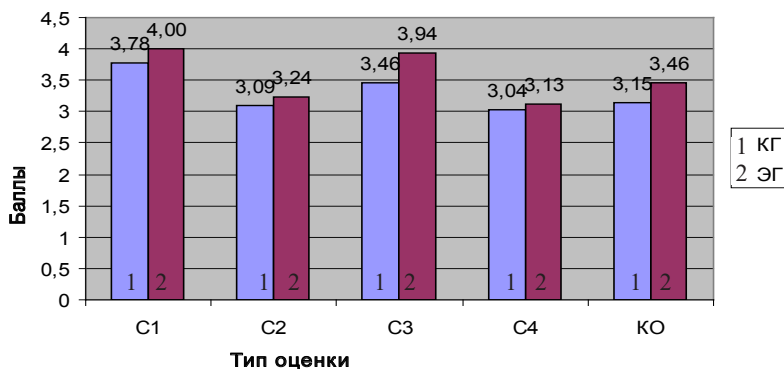

Рис. 2. Средние значения по группам (методика Дж. Гилфорда и М. Салливена)

Результаты изменения степени выраженности готовности к саморазвитию представлены в табл. 1. По ним можно судить о том, что готовность к саморазвитию у студентов на начальной стадии обучения достаточно высока. И только к концу второго курса наблюдаются значимые отличия в экспериментальной и контрольной группах. Это объясняется созданием творческой и психологически комфортной атмосферы в процессе формирования социокультурной культуры у студентов экспериментальной группы. Большая часть студентов стремятся к самопознанию.

Результаты изменения установки на альтруизм представлены в табл. 2. Как видно, в экспериментальной группе наблюдаются значительные изменения в степени выраженности установки на альтруизм (на 10,43 и 16,77%). Это объясняется тем, что в экспериментальной группе применялись интерактивные методы обучения. Например, использовались ролевые игры, в которых поведение, связанное с оказанием помощи, провоцировалось ситуацией. При этом студенты должны были оценить ситуацию, определить ее значимость, понять, какого характера должна быть помощь, и т. д.

Результаты исследования по авторской методике (С. А. Караваевой) «Социокультурная культура в понятиях» показали, что уровень знаний основных понятий, которые необходимы человеку с высоким уровнем социокультурной культуры, в экспериментальной группе оказались выше, чем в контрольной: количество человек, имеющих высокий уровень в ЭГ выше на 25%, средний — на 15%.

Результаты по методике исследования социального интеллекта Дж. Гилфорда и М. Салливена представлены на рис. 2. Сравнение средних величин показывает, что по каждому из субтестов наблюдается прирост среднего значения в экспериментальной группе, в то время как в контрольной группе среднее значение осталось на том же уровне.

Наиболее значимое отличие между контрольной и экспериментальной группами наблюдается при выполнении субтеста № 3 «Вербальная экспрессия», что говорит о способности понимать различия сходных вербальных реакций человека в зависимости от ситуационного контекста. Такое различие не случайно, так как при проведении тренингов уделялось значитель-

Таблица 1

Динамика готовности к саморазвитию у студентов

Группа	Готовность к саморазвитию, % к максимально возможному баллу		
	Начальное тестирование	1-й срез	2-й срез
Контрольная	60,34	64,32	65,56
Экспериментальная	61,28	69,78	78,35

Таблица 2

Динамика установки на альтруизм у студентов

Группа	Установка на альтруизм, % к максимально возможному баллу		
	Начальное тестирование	1-й срез	2-й срез
Контрольная	55,36	57,22	58,59
Экспериментальная	57,28	67,65	75,36

ное внимание оценке вербальных проявлений коммуникаторов и развитию словесных приемов и техник общения.

По результатам субтеста № 1 в экспериментальной группе достигнуто среднее значение 4 балла, что позволяет назвать уровень развития способности понимать последствия поведения высоким. Одновременно это свидетельствует и о высоком уровне рефлексии. Рассматривая средние значения композитных оценок по группам, можно увидеть, что испытуемые демонстрируют сводный балл по четырем субтестам на уровне 3 и выше, что соответствует среднестатистической норме.

Статистическая обработка полученных результатов по методу Стьюдента и критерию Пирсона (χ -квадрат) показала достоверность различия экспериментальных данных в контрольной и экспериментальной группах.

Обсуждения

Для определения авторского понятия социокультурной культуры необходимо определить адекватный подход к культуре. В контексте философского понимания культуры можно выделить два подхода: реалистический и идеалистический. Реалисты понимают культуру как атрибут человеческого социального поведения и обычно определяют ее через приобретенные обычаи, привычки и институты [3; 9].

Для философов идеалистического направления культура — это идея, а не явление. Для них культура связана с интеллектуальными идеалами и представляет собой все художественные и интеллектуальные достижения человечества [3].

В социологическом понимании «культура выражается в социальных отношениях, имеет социаль-

ную природу и рассматривается как динамичное, сложное образование. Только живя в обществе, человек может стать культурным, то есть реализовать тот потенциал, который заложен в нем от природы» [8].

В психологии также накоплен материал, позволяющий рассматривать культуру как способ человеческой деятельности, имеющий свою специфику.

М. С. Гусельцева [4] отмечает, что культура — это своего рода атмосфера психического развития. Можно согласиться с этой точкой зрения, так как на развитие психики большое влияние оказывают внешние факторы, то есть в данном случае речь идет о влиянии социума. Через взаимодействие с культурой социума происходит развитие индивидуальной культуры человека, которая представляет собой знания, личностный опыт, ценностные ориентации, то есть все, что составляет внутренний мир человека как отражение тех культурных текстов, которые нашли отклик в душе человека.

В культурологии можно встретиться с различным пониманием культуры: одни авторы рассматривают ее как социальный феномен, другие — как духовный. В одном случае главным фактором развития культуры является общество, в другом — собственная духовная активность. Например, М. Ким отмечает, что культура — это состояние духовной жизни общества [См.: 16]. Э. Е. Платонова пишет, что культура — это личный опыт каждого человека, феномен диалога человека с жизнью [14].

Для культуролога культура — это проявление духа. Но духовное не синоним культурного. Дух может проявляться и в форме цивилизации. А цивилизация в большей степени связана с достижениями техники.

Таким образом, культура может выступать в виде формы или в виде содержания. Содержанием культуры должна быть человечность. Если ее нет, то остается одна форма, подобная культурной. А это, скорее всего, будет имитацией культуры.

Можно сказать, что в человеке как сложной системе существует несколько граней бытия: физическая, психическая, социальная, духовная. И культура, таким образом, может проявляться на разных уровнях: физическом (физическая культура), психическом (психическая культура), социальном (социальная культура), духовном (духовная культура). Все эти уровни проявления культуры тесно связаны и находятся в интегративном единстве. Поэтому социогуманитарную культуру можно рассматривать через ее взаимодействие с другими видами культуры.

Исходя из анализа научной литературы и опираясь на культурологический подход в понимании культуры, мы считаем, что культура — это накопленный человечеством духовно-нравственный опыт, направленный на благо общества, человека и всего мира; культурный человек — это человек, обладающий непротиворечивой системой духовно-нравственных качеств, позволяющей принимать решения и действовать во благо общества, человека и страны [8].

Социогуманитарная культура — личностное образование, позволяющее человеку сохранить как свою целостность, так и целостность другого человека, опираясь на общечеловеческие ценности, познание себя и других через понимание, сопереживание, соучастие.

По итогам первичной психодиагностики были определены основные проблемные зоны в развитии компонентов социогуманитарной культуры. Так, в ходе прохождения методики «Готовность к саморазвитию» было выявлено, что большинство студентов контрольной и экспериментальной групп имеют высокий уровень познавательной мотивации (56 и 60 % соответственно), но не готовы к самоизменению, могут самосовершенствоваться, но не хотят себя знать (36 и 40 % соответственно), на высоком уровне готовности к саморазвитию оказалось 18 % в контрольной группе и 24 % в экспериментальной.

Результаты, полученные по методике Дж. Гилфорда и М. Салливена показали, что средние баллы по группам в каждом из пяти видов оценок соответствуют среднестатистической норме, то есть превы-

шают 3 балла. Наиболее низкие средние баллы выявили субтесты № 4 «Истории с дополнением» (3,04 в контрольной и 3,03 в экспериментальной) и № 2 «Группы экспрессии» (3,09 в контрольной и 3,06 в экспериментальной). Таким образом, в качестве актуальных для развития способностей в процессе формирования социогуманитарной культуры были выделены следующие:

— умение определять мотивы поведения людей, предсказывать последствия поведения участников взаимодействия;

— понимать состояния, намерения, чувства людей по невербальным проявлениям, умение давать правильную интерпретацию ситуации общения.

Все описанные выше результаты были учтены при разработке модели и реализации педагогических условий формирования социогуманитарной культуры.

Заключение

Наше исследование позволило сделать ряд общих выводов в рамках решения данной проблемы:

1. Системное исследование и анализ психолого-педагогической литературы позволили установить, что актуальность проблемы формирования социогуманитарной культуры у студентов университета обусловлена противоречием между необходимостью формирования данного личностного образования в современных условиях и недостаточным количеством исследований в теории и практике высшего образования.

2. Выявлена сущность понятия «социогуманитарная культура».

3. Разработаны и охарактеризованы критерии сформированности социогуманитарной культуры будущих специалистов.

4. Разработана модель формирования социогуманитарной культуры.

5. Установлено, что эффективное функционирование модели формирования социогуманитарной культуры обеспечивается посредством реализации комплекса педагогических условий:

— формирование мотивации к развитию социогуманитарной культуры происходит на основе ценностных установок к познавательной деятельности и самопознанию;

— развитию компонентов социогуманитарной культуры способствует разработка дидактического обеспечения процесса формирования данного личностного образования;

— интеграция компонентов социогуманитарной культуры осуществляется в процессе использования инновационных образовательных технологий: проблемно-диалоговой, игровой, кейс-стади и др.

6. Результаты экспериментальной работы подтвердили, что разработанная модель формирования социогуманитарной культуры студентов является эффективной.

Список литературы

1. Астахова, Л. В. Развитие культурной компетентности студента в постиндустриальном обществе: императивы капитального подхода / Л. В. Астахова // Интеграция образования. — 2017. — Т. 21, № 1. — С. 35—44.
2. Белановский, С. А. Методика и техника фокусированного интервью / С. А. Белановский. — М., 1993. — 63 с.
3. Горбухова, М. Ю. Формирование социогуманитарной культуры личности в образовании: вербальный коммуникативный механизм : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11/ М. Ю. Горбухова. — Барнаул, 2012. — 201 с.
4. Гусельцева, М. С. Категория культуры в психологии и гуманитарных науках / М. С. Гусельцева // Вопросы психологии. — 2006. — № 5. — С. 3—14.
5. Демченкова, С. А. Формирование общекультурных компетенций бакалавров технического вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук / С. А. Демченкова. — М., 2013. — 23 с.
6. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального развития : учеб. пособие / Э. Ф. Зеер. — М. : Академия, 2006. — 240 с.
7. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. — СПб. : Питер, 2014. — 512 с.
8. Караваева, С. А. Социогуманитарная культура: сущность понятия и уровни функционирования / С. А. Караваева // Внедрение результатов инновационных разработок: проблемы и перспективы : сб. междунар. науч.-практ. конф. (18 нояб. 2016 г., Екатеринбург) : в 4 ч. Ч. 2 / Уфа : МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2016. — С. 131—134.
9. Кемеров, В. Философская энциклопедия / В. Кемеров. — М. : Акад. проект, 1998. — 240 с.
10. Кэмпбелл, Д. Модели эксперимента в социально-психологических и прикладных исследованиях / Д. Кэмпбелл. — М. : Прогресс, 1980. — 392 с.
11. Михайлова, Е. С. Социальный интеллект. Концепции, модели, диагностика / Е. С. Михайлова. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. — 123 с.
12. Морозов, А. В. Деловая психология / А. В. Морозов. — СПб., 2000. — 576 с.
13. Плаксина, Ю. Г. Формирование информационно-коммуникативной компетенции студентов вуза при изучении общих математических и естественнонаучных дисциплин : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ю. Г. Плаксина. — М., 2007. — 24 с.
14. Платонова, Э. Е. Культурология / Э. Е. Платонова. — М. : Акад. проект, 2003. — 243 с.
15. Слободчиков, В. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе : учеб. пособие для вузов / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. — М. : Школьная пресса, 2000. — 416 с.
16. Теория культуры : учеб. пособие / под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. — СПб. : Питер, 2008. — 592 с.
17. Cafagna, A. C. A Formal Analysis of Definitions of “Culture” / A. C. Cafagna // Essays in the Science of Culture. In Honor Leslie A. White / ed. by G. E. Dole, R. L. Carneiro. — N. Y., 1960. — P. 111—132.
18. Taylor, W. W. A Study of Archaeology / W. W. Taylor // Memoirs of the American Anthropological Association. — 1948. — Vol. 69.

Сведения об авторе

Караваева Светлана Анатольевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии Челябинского государственного университета, Троицкий филиал, Троицк, Россия. karavaeva-s@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.
Education and Healthcare. 2019. № 3—4 (7—8). P. 14—22.*

FORMATION OF SOCIO-HUMANITARIAN CULTURE OF UNIVERSITY STUDENTS

S.A. Karavaeva

Chelyabinsk State University, Troitsk branch, Troitsk, Russia. karavaeva-s@mail.ru

In conditions of a decline in the level of personality culture in a post-industrial society, the problem of the formation of a socio-humanitarian culture of students of a higher educational institution is becoming increasingly important. The relevance of the study is determined by the fact that the studies revealed the specifics of the socio-humanitarian training of university students, the result of which is the formation of the socio-humanitarian culture of future specialists. The methodological and conceptual foundations of the formation and development of the socio-humanitarian culture of future specialists are determined; pedagogical conditions for the formation of this personal education are established.

Keywords: *culture, cultural person, socio-humanitarian culture, culturological approach, technological approach, anthropological approach, student, model, pedagogical conditions, levels.*

References

1. Astakhova L.V. The development of student cultural competence in post-industrial society: imperatives of the capital approach. *Integration of Education*, 2017, vol. 21, no. 1, pp. 35-44. (In Russ.).
2. Belanovsky S.A. *Methods and techniques of focused interviews*. Moscow, 1993. 63 p. (In Russ.).
3. Gorbukhova M.Yu. *The formation of the socio-humanitarian culture of personality in education: verbal communication mechanism. Thesis*. Barnaul, 2012. 201 p. (In Russ.).
4. Guseltseva M.S. Category of culture in psychology and humanities. *Questions of psychology*, 2006, no. 5, pp. 3-14. (In Russ.).
5. Demchenkova S.A. *The formation of general cultural competencies of bachelors of a technical university. Thesis*. Moscow, 2013. 23 p. (In Russ.).
6. Seer E.F. *Psychology of professional development: a training manual*. Moscow, Academy, 2006. 240 p. (In Russ.).
7. Ilyin E.P. *Motivation and motives*. St. Petersburg, Peter, 2014. 512 p. (In Russ.).
8. Karavaeva S.A. Socio-humanitarian culture: the essence of the concept and levels of functioning. *Implementation of the results of innovative developments: problems and prospects in 4 pt. Pt. 2*. Ufa, MTSII OMEGA SAYNS, 2016. Pp. 131-134. (In Russ.).
9. Kemerov V. *Philosophical Encyclopedia*. Moscow, Academic project, 1998. 240 p. (In Russ.).
10. Campbell D. *Models of experiment in socio-psychological and applied research*. Moscow, Progress, 1980. 392 p. (In Russ.).
11. Mikhailova E.S. *Social intelligence. Concepts, models, diagnostics*. St. Petersburg, 2007. 123 p. (In Russ.).
12. Morozov A.V. *Business Psychology*. St. Petersburg, 2000. 576 p. (In Russ.).
13. Plaksina Yu.G. *The formation of information and communication competence of university students in the study of general mathematical and natural sciences. Abstract of thesis*. Moscow, 2007. 24 p. (In Russ.).
14. Platonova E.E. *Culturology*. Moscow, Academic Project, 2003. 243 p. (In Russ.).
15. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. *Fundamentals of psychological anthropology. Psychology of human development: development of subjective reality in ontogenesis*. Moscow, School Press, 2000. 416 p. (In Russ.).
16. Ikonnikova S.N., Bolshakova V.P. (eds.). *Theory of Culture*. St. Petersburg, Peter, 2008. 592 p. (In Russ.).
17. Cafagna A.C. A Formal Analysis of Definitions of "Culture". *G.E. Dole, R.L. Carneiro (eds.). Essays in the Science of Culture. In Honor Leslie A. White*. N.Y., 1960. Pp. 111-132.
18. Taylor W.W. A Study of Archaeology. *Memoirs of the American Anthropological Association*, 1948, vol. 69.

СООБЩЕНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ REPORTS OF YOUNG SCIENTISTS

*Вестник Челябинского государственного университета.
Образование и здравоохранение. 2019. № 3—4 (7—8). С. 23—26.*

УДК 577.125.8:616
ББК 28.072+54.102

МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ ВЫУЧЕННОЙ И ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ У МОЛОДЕЖИ

И. В. Пономарева, Я. Н. Сизова, Е. А. Куба

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-013-00949 А «Культурно-этнические детерминанты самостоятельности-личностной беспомощности молодежи России и стран ближнего зарубежья (на материале мигрантов из Центральной Азии)»).

Представлены методы диагностики психологической беспомощности. Актуальность проблемы диагностики выученной и личностной беспомощности сводится к необходимости изучения детерминантов поведения молодежи, в том числе мигрантов из Центральной Азии, и получения верифицированных данных о факторах адаптации мигрантов в новой социокультурной среде. Проанализированы подходы к диагностике выученной и личностной беспомощности, а также приведены конкретные психодиагностические методики, позволяющие оценить наличие беспомощности у молодежи, в том числе мигрантов из Центральной Азии.

Ключевые слова: *психодиагностика, выученная беспомощность, личностная беспомощность.*

Анализ классических теорий психологии свидетельствует о многоаспектности феномена психологической беспомощности. Исследователи в своих теориях анализируют истоки беспомощности, ее значение в становлении личности и особенности проявления в поведении.

Системное описание феномена выученной беспомощности было представлено учеными Университета Пенсильвании (С. Майер, Дж. Овермайер, М. Селигман). С. Майер и М. Селигман сумели сделать наблюдение, которое подтвердило гипотезу, что беспомощность формируется посредством опыта влияния неподконтрольных событий. Также авторы отмечают, что ожидание будущего неконтролируемого результата распространяется и на новые ситуации [См.: 5].

Одним из направлений преобразованной теории беспомощности является исследование связи между атрибутивным стилем и депрессией (Л. Абрамсон, К. Вон Бэйер, Г. Металски, М. Селигман, А. Семмел). Атрибутивный стиль используется авторами при описании индивидуальных особенностей атрибуций и определяется как устойчивая манера объяснять причины происходящего. Ученые на основании результатов

эмпирических исследований доказали, что пессимистический стиль объяснений способствует хроническому ожиданию неудачи и является одной из причин возникновения состояния беспомощности и депрессии [Там же].

Выученная беспомощность рассматривается как состояние, возникающее в качестве реакции на травмирующие события. В исследованиях О. В. Волковой выученная беспомощность рассматривается как «нарушение мотивации в результате пережитой субъектом неподконтрольности ситуации, в которой результат не зависит от прилагаемых усилий» [2]. Автор отмечает, что «выученная беспомощность — это состояние, возникающее в результате длительного по времени, неоднократно повторяющегося (реверсивного) воздействия (как позитивного, так и негативного), избегание которого является невозможным» [Там же].

Вопрос диагностики состояния выученной беспомощности является актуальным на сегодняшний день. В исследованиях зарубежных и отечественных авторов применяются такие методы, как наблюдение, эксперимент, опрос (комплекс психодиагностических методик). Диагностическими показателями выученной

беспомощности являются «повышенная тревожность, низкая самооценка, депрессивное состояние, пессимистический атрибутивный стиль и наличие негативного события в прошлом» [6]. В исследованиях Г. П. Геранюшкиной, О. Э. Афраймович состояние выученной беспомощности диагностируется при «сочетании глубокого пессимистического стиля объяснений и выраженных депрессивных симптомов» [3]. Для выявления беспомощности исследователи применяют опросник атрибутивного стиля М. Селигмана (ASQ), шкалу самооценки депрессии Бека (BDI), методику самооценки самочувствия, активности и настроения (САН) [3; 6]. В исследовании А. В. Белорусовой используются следующие методики: опросник «Депрископ» (П. Хейманс, А. И. Подольский), опросник «Стиль объяснения успехов и неудач», версия для подростков (Т. О. Гордеева, Е. Н. Осин, В. Ю. Шевяхова), методика Дембо — Рубинштейн (модификация А. М. Прихожан), опросник «Лист жизненных событий подростков» (А. И. Подольский, О. А. Идобаева), методика измерения подростковой тревожности (Ю. А. Зайцев) [1].

Д. А. Циринг и Е. А. Куба создали методику диагностики выученной беспомощности для подростков. Опросник представляет собой 56 утверждений. Данный опросник стандартизирован, имеет оптимальные значения показателей надежности и валидности. Поэтому он был использован нами для диагностики выученной беспомощности у молодежи, а также для изучения выученной беспомощности у молодежи из числа мигрантов из Центральной Азии. При оценке выученной беспомощности у молодежи нами были изменены нормы теста. Выборками для стандартизации выступили выборка молодежи из России и выборка молодежи — мигрантов из Центральной Азии.

Помимо состояния выученной беспомощности в современной отечественной психологии рассматривается феномен личностной беспомощности (Д. А. Циринг, 2010, [6]). В рамках концепции личностной беспомощности выделены образования личностного уровня, противоположные по своему психологическому содержанию, — личностная беспомощность и самостоятельность. Выученная беспомощность рассматривается автором концепции Д. А. Циринг как возможное проявление личностной беспомощности. Личностная беспомощность определяется как «качество субъекта, представляющее собой единство определенных личностных особенностей, возникающих в результате взаимо-

действия внутренних условий с внешними, определяющее низкий уровень субъектности, то есть низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить [цели] и достигать целей, преодолевая различного рода трудности» [Там же].

Вопросы диагностики личностной беспомощности также являются актуальными в современной психологической науке. В исследованиях Д. А. Циринг (2010), Е. В. Веденеевой (2008), Ю. В. Яковлевой (2011), И. В. Пономаревой (2013) выявление признаков личностной беспомощности проводится с использованием батареи методик: «Опросник стиля атрибуции у подростков» (Д. А. Циринг), «Шкала депрессии» (Т. И. Балашова), «Личностная шкала проявлений тревоги» (Т. А. Немчинов, В. Г. Норакидзе), «Методика определения самооценки» (С. А. Будасси). Так, диагностическими показателями личностной беспомощности авторы рассматривают высокий уровень депрессии, высокий уровень тревожности, низкую самооценку, пессимистический атрибутивный стиль. В исследовании Е. А. Евстафеевой (2011, 2015) диагностика личностной беспомощности проводится при помощи методики многостороннего исследования личности, которая представляет собой вариант теста ММРІ (авторы Ф. Б. Березин, М. П. Мирошников, Р. В. Рожанец, 1976). Автор отмечает, что «опросник представляется валидным для диагностики личностной беспомощности, так как измеряет все ее основные диагностические показатели (в соответствии с критериями, обоснованными в более раннем исследовании Д. А. Циринг)» [7].

Разработка методики диагностики личностной беспомощности и самостоятельности для респондентов подросткового возраста была осуществлена М. О. Климовой совместно с автором концепции личностной беспомощности Д. А. Циринг [4]. Данная версия использовалась нами для исследования личностной беспомощности на выборке молодежи России и стран Центральной Азии с изменением тестовых норм методики для каждой выборки.

Так представлены методы психологической диагностики личностной и выученной беспомощности в психологии. Выбор той или иной психодиагностической стратегии в изучении выученной или личностной беспомощности сопряжен с задачами исследования. Однако согласно принципу организации и проведения психодиагностической деятельности процедура психодиагностического обследования должна быть экономична, а обработка и анализ полученных данных просты и доступны.

Список литературы

1. Белорусова, А. В. Профилактика выученной беспомощности у старших подростков [Электронный ресурс] / А. В. Белорусова. — URL: <https://goo-gl.ru/5VH2> (дата обращения 16.12.2019).
2. Волкова, О. В. Онтогенетический подход к исследованию феномена выученной беспомощности / О. В. Волкова // Медицинская психология в России : электрон. науч. журн. — 2013. — № 6 (23).
3. Геранюшкина, Г. П. Психологические защиты у лиц с признаками выученной беспомощности / Г. П. Геранюшкина, О. Э. Афраймович // Психология в экономике и управлении. — 2014. — № 2. — С. 23—29.
4. Климова, М. О. Диагностика личностной беспомощности у подростков: разработка и апробация психодиагностического инструментария / М. О. Климова, Д. А. Циринг // Сибирский психологический журнал. — 2017. — № 66. — С. 130—140.
5. Пономарева, И. В. Личностная беспомощность подростков из семей с нарушениями взаимоотношений / И. В. Пономарева. — Челябинск : Печатный двор, 2014.
6. Циринг, Д. А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности / Д. А. Циринг. — М. : Академия, 2010.
7. Циринг, Д. А. Психодиагностика личностной беспомощности: проблемы и методы / Д. А. Циринг, Е. А. Евстафеева // Сибирский психологический журнал. — 2011. — № 41.

Сведения об авторах

Пономарева Ирина Владимировна — кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ivp-csu@yandex.ru

Сизова Яна Николаевна — старший преподаватель кафедры психологии Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. sizova159@yandex.ru

Куба Елена Андреевна — старший преподаватель кафедры специальной и клинической психологии Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. specpsy@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

Education and Healthcare. 2019. № 3—4 (7—8). P. 23—26.

DIAGNOSTIC METHODS OF LEARNED AND PERSONAL SECURITY IN YOUTH

I.V. Ponomareva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ivp-csu@yandex.ru

Y.N. Sizova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. sizova159@yandex.ru

E.A. Cuba

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. specpsy@csu.ru

The article presents methods for diagnosing psychological helplessness. The urgency of the problem of diagnosing learned/personal helplessness boils down to the need to study the determinants of the behavior of young people, including migrants from Central Asia, and to obtain verified data on the factors of adaptation of migrants in the new sociocultural environment. The approaches to the diagnosis of learned/personal helplessness are analyzed, as well as specific psychodiagnostic techniques are given to assess the presence of helplessness among young people, including migrants from Central Asia.

Keywords: *psychodiagnostics, learned helplessness, personal helplessness.*

References

1. Belorusova A.V. Prevention of learned helplessness in older adolescents. Available at: <https://goo-gl.ru/5VH2>, accessed 16.12.2019. (In Russ.).
2. Volkova O.V. Ontogenetic approach to the study of the phenomenon of learned helplessness. *Medical Psychology in Russia: electron. scientific journal*, 2013, no. 6 (23). (In Russ.).
3. Geranyushkina G.P. Psychological defenses in persons with signs of learned helplessness. *Psychology in economics and management*, 2014, no. 2, pp. 23-29. (In Russ.).
4. Klimova M.O., Tsiring D.A. Diagnosis of personality helplessness in adolescents: the development and testing of psycho-diagnostic tools. *Siberian Psychological Journal*, 2017, no. 66, pp. 130-140. (In Russ.).
5. Ponomareva I.V. *Personal helplessness of adolescents from families with relationship disorders*. Chelyabinsk, 2014. (In Russ.).
6. Tsiring D.A. *Psychology of personal helplessness: a study of the levels of subjectivity*. Moscow, Academy, 2010. (In Russ.).
7. Tsiring D.A., Evstafeeva E.A. Psychodiagnostics of personality helplessness: problems and methods. *Siberian Psychological Journal*, 2011, no. 41. (In Russ.).

ОБЗОР МНЕНИЙ OVERVIEW OF OPINIONS

*Вестник Челябинского государственного университета.
Образование и здравоохранение. 2019. № 3—4 (7—8). С. 27—38.*

УДК 378
ББК 74.58

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВУЗОВ К ИННОВАЦИОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

Н. В. Лежнева

Челябинский государственный университет, Троицкий филиал, Троицк, Россия

Рассматривается «инновационное предпринимательство как стиль деятельности, характеризующийся ориентацией на создание или реализацию новаций, предпринятой для достижения позитивных экономических или социально значимых целей»; обосновываются социально-психологические предикторы организации успешной инновационной предпринимательской деятельности в условиях региона (малые и средние города, сельское хозяйство), включающие два уровня: общий, характерный для большинства успешных отечественных предпринимателей-инноваторов (стремление к достижению финансового успеха или иных лично значимых целей посредством инновационной деятельности, лидерские способности, склонность к риску, рефлексия, умение многовариантного планирования развития ситуации и др.), и особенный, характерный в большей степени для инновационных предпринимателей региона (этнокультурная толерантность (что крайне важно для Южноуральского региона, отличающегося многонациональностью); глубокое знание исторических традиций региона, его современного положения, опыта инновационной предпринимательской деятельности на его территории, сформированность информационной компетентности, фрустрационной толерантности, высокого уровня интернальности, динамизма, выраженности коммуникативных качеств). Исследуется (на примере Челябинской области) инновативность молодежи провинции как важного параметра готовности к инновационной предпринимательской деятельности. Исследование проводилось по методике Лебедевой — Татарко, сравнивался уровень инновативности студентов вузов различных специальностей и направлений подготовки, старшеклассников, студентов СПО. Анализируются причины снижения мотивационной готовности молодежи провинции к инновационной предпринимательской деятельности. Предлагаются пути решения проблемы.

Ключевые слова: *высшее образование, инновационное предпринимательство, регион, предикторы инновационной предпринимательской деятельности, инновативность.*

Развитие России во многом зависит от успешности экономической деятельности регионов. По мнению многих как зарубежных [34; 35], так и отечественных [14; 17; 25] экспертов, развитие любой страны полностью зависит от обеспеченности кадрами, способными не только (и не столько) квалифицированно выполнять свои профессиональные обязанности, но и готовых к продуктивной инновационной предпринимательской деятельности. При этом важно, чтобы охват инновационной деятельностью затрагивал не только столицы и региональные центры, но и малые (средние) города регионов, сельскохозяйственные территории (провинцию).

Следует сказать, что проблема обучения инновационному предпринимательству в России занимает умы ученых и практиков лишь с середины

1990-х гг. Несмотря на непродолжительное время, можно отметить некоторые успехи в указанной области: разработаны образовательные программы различных типов и уровней (Широкова, Рубин, Чепуренко, Духон и др.); создана и продолжает активно действовать РАОП (Национальная ассоциация обучения предпринимательству, <http://www.guaee.ru/>). При этом российскими учеными был изучен и критически оценен зарубежный опыт подготовки предпринимателей (как позитивный, так и негативный), который насчитывает не одно десятилетие [29; 39; 41; 42; 55].

В более поздних иностранных источниках большое внимание уделяется рассмотрению связи активности в сфере инновационного предпринимательства и особенностей подготовки студентов к такой

деятельности в процессе обучения в университетах и колледжах [30; 46; 51; 56].

Применительно к обозначенной теме исследования интерес представляют работы зарубежных авторов, в которых исследуются психологические аспекты инновационного предпринимательства: особенности личности предпринимателей-инноваторов [40; 43; 44]; самоэффективность как предиктор успешности инновационной предпринимательской деятельности [33; 34; 47]; мотивационная готовность к предпринимательской деятельности [51—54].

Сказанное выше позволяет заключить, что в области подготовки инновационных предпринимательских кадров уже сделаны определенные шаги, однако на их недостаточную продуктивность указывают не только отечественные [2; 24; 26], но и зарубежные [58] ученые и практики (Национальные отчеты Глобального исследования предпринимательского потенциала студентов, GUESS-2016, <http://gsom.spbu.ru/gsom/centers/eship/projects/guesss/>).

Недостаточную эффективность проделанной работы авторы объясняют по-разному: это могут быть отсутствие необходимого начального капитала, недостаточные знания в области инновационного предпринимательства, трудности перехода от теоретических знаний к практической деятельности, несоответствие личностных ценностей и качеств особенностям предпринимательской деятельности; коммуникативные сложности и др. [22; 25; 26; 30; 31; 37; 50; 57]. Однако все эксперты в рассматриваемой области сходятся в одном: в каждом конкретном случае в качестве причины выступает сочетание самых различных факторов, а общих рецептов вовлечения молодежи в инновационную предпринимательскую деятельность не существует. Поэтому мы считаем логичным рассмотреть частный случай поставленной проблемы и остановиться на описании предикторов готовности к инновационной предпринимательской деятельности у студентов региональных вузов на примере Южного Урала.

Прежде всего раскроем сущность понятия «инновационная предпринимательская деятельность». Ориентируясь на выбранную тему исследования и с учетом ранее опубликованных нами материалов [10; 11], мы опираемся в статье на структурно-функциональный подход, ориентирующий на выделение предикторов готовности к инновационной предпринимательской деятельности и понимаем «инновационное предпринимательство как стиль

деятельности, характеризующийся ориентацией на создание или реализацию новаций, предпринятой для достижения позитивных экономических или социально значимых целей» [10].

Попытка построения модели предпринимателя, ориентированного на инновационную деятельность, на основе выявления соответствующих предикторов принималась неоднократно, как зарубежными [12; 27; 38; 48; 45] так и отечественными авторами [1; 3; 4; 7; 13; 21; 26; 28]. Большинство работ посвящены исследованию сформированности знаний в области предпринимательства, намерений в области инновационного предпринимательства, особенностей личности успешного предпринимателя и т. п.

Каждый из авторов, пытался обобщить черты предпринимателя, однако часто наблюдалась попытка конкретизации характеристик конкретных субъектов [Широкова, 2015].

Не останавливаясь подробно на моделях зарубежных авторов, так как предпринимательство в России имеет большую специфику, связанную с национальными, историческими особенностями и современным состоянием экономики, подчеркнем, что практически во всех источниках уделяется большое внимание психологической составляющей подготовки предпринимателей-инноваторов, что не всегда учитывается при организации профессионального образования, как в Российских, так и зарубежных образовательных учреждениях [25].

Психологические исследования в области предпринимательской деятельности начались в нашей стране значительно позднее [1; 6; 16; 18; 23; 28]. Авторы посвящали свои исследования вопросам: мотивационной готовности к инновационной предпринимательской деятельности; возникновения социально-психологических барьеров в предпринимательской деятельности; изучения уровня притязаний и фрустрационной толерантности молодежи, выявления и развития способностей, определяющих успешность инновационной предпринимательской деятельности и др.

Несмотря на различие мнений, можно выделить три группы характеристик личности предпринимателя-инноватора, называемых исследователями: стремление к обогащению при достаточно ярко выраженном инновационном начале личности, способность соединить воедино и преумножить денежные и материальные и трудовые ресурсы (экономические характеристики); коммуникативные и организаторские способности, инициативность (социальные характеристики); интеллектуальные

способности, креативность, инновативность, мотивация достижения успеха, адаптивность и др. (психологические характеристики).

Выделенные характеристики, кажущиеся нам, на первый взгляд, вполне логичными, во многом отличаются от зарубежных аналогов. Например, в отличие от отечественных ученых в зарубежных источниках приводятся данные о достаточно среднем интеллекте большинства успешных предпринимателей. А в работах Й. Шумпетера прямо указывается, на то, что интеллектуальные способности, склонность к решению проблем на основе логического анализа, а часто и глубина ума, и знание дела могут при определенных условиях привести к неудачам [27. С. 181]. В то же время, по мнению И. М. Бунина (директора Центра предпринимательских исследований в 1992—1993 гг.), специфика и традиции страны вынуждают предпринимателей-инноваторов постоянно использовать свои когнитивные способности, находить нестандартные решения, повышающие эффективность предпринятого дела. Развитые интеллектуальные способности и элитное образование, по мнению автора, дают дополнительные возможности предпринимателю-инноватору, позволяют быстрее адаптироваться в предпринимательской среде [1].

При рассмотрении особенностей личности успешного инноватора-предпринимателя, осуществляющего свою деятельность в условиях региона, мы принимали во внимание и тот факт, что специфика деятельности крупного и мелкого предпринимателя различна, что указывают и многие авторы [6; 12; 32]. Соответственно, отличаются и требования к личности успешного предпринимателя, действующего в условиях малого города или сельскохозяйственного производства.

Необходимо учесть и то, что кроме юридических и экономических «общероссийских» барьеров, с которыми сталкиваются практически все отечественные предприниматели, для тех, кто рискнул заниматься предпринимательством в регионе (имеются в виду малые города и сельские поселения), возникает ряд дополнительных проблем, как правило, социально-психологических. К ним можно отнести: практическое отсутствие инновационной среды; высокий уровень инертности населения (и, соответственно, низкий уровень профессиональной мобильности); резкий дефицит квалифицированных кадров, связанный с недостаточным уровнем доступности высшего образования для молодежи провинции [10] (и, к сожалению, этот показатель по известным причинам

с каждым годом снижается); с этим связан и недостаточно высокий уровень образования и культуры молодых людей, несформированный стереотип инновационного поведения; низкая мотивация достижения успеха; низкий уровень самоконтроля деятельности [11].

Обобщая вышесказанное, мы выделили два уровня предикторов в характеристике успешного предпринимателя, занимающегося инновационной деятельностью в условиях региона: общий и особенный. К общему мы отнесли: стремление к достижению финансового успеха или иных лично значимых целей посредством инновационной деятельности; сформированность экономических, юридических, когнитивных и социальных компетенций, важных для инновационной предпринимательской деятельности; восприятие самостоятельности как ценности. Кроме того, важны и качества, которые в определенной степени можно развить в процессе обучения, но эффективность предпринятой инновационной деятельности может существенно возрасти, если у инноватора есть выраженные задатки в этой области. К таким качествам можно отнести следующие: творческие способности, позволяющие генерировать новые идеи и находить нестандартные пути их реализации; лидерские способности; склонность к риску; рефлексия; умение многовариантного планирования развития ситуации.

Для «регионального» предпринимателя-инноватора, работающего в более неблагоприятных условиях, этот список существенно расширяется (особенный уровень). К нему можно добавить: этнокультурную толерантность (что, как показали наши исследования, крайне важна для Южноуральского региона, отличающегося многонациональностью); глубокое знание исторических традиций региона, его современного положения, опыт инновационной предпринимательской деятельности на его территории. Особо следует отметить зависимость успешности инновационной предпринимательской деятельности в регионе от сформированности информационно-компетентности, фрустрационной толерантности, высокого уровня интернальности, динамизма, выраженности коммуникативных качеств [10].

Как видно из приведенного выше, готовность молодежи региона к инновационной предпринимательской деятельности определяется не столько «знаниевым» компонентом (хотя и он важен), сколько психологической готовностью к такой деятельности.

Прежде чем разрабатывать систему психолого-педагогического содействия развитию готовности к инновационной предпринимательской деятельности, мы провели эксперимент по оценке исходного индекса инновативности, как важной составляющей успешности рассматриваемой деятельности.

В начале эксперимента была выдвинута гипотеза: предикторы готовности студентов региональных вузов к инновационной предпринимательской деятельности значимо отличаются от аналогичных показателей студентов столичных вузов. При этом было принято ограничение: рассматриваются данные по студентам региональных вузов Южного Урала.

В ходе эксперимента была использована методика «Отношение личности к инновациям» [8].

В процессе создания методики авторами на основе опроса экспертов в области инновационной предпринимательской деятельности был создан банк тех характеристик и качеств, которые важны для рассматриваемой деятельности. В ходе дальнейшей разработки методики на основе контент-анализа было выделено только 15 параметров. Авторы доказательно относят к ним: «желание заниматься творчеством; независимость; конструктивное отношение к ошибкам; любовь к исследованию, любознательность; поощрение креативности в других людях; готовность вкладывать денежные средства в инновации; способность действовать в нестабильной среде; уверенность в том, что изменения — это путь к успеху; нацеленность на будущее; готовность к риску; креативность; открытость всему новому; стремление к разнообразию; смелое отношение к неизвестному; активный поиск новых возможностей» [8]. Так как данные качества в большинстве своем совпадают с выявленными нами в ходе экспериментального исследования на территории Южного Урала предикторами готовности к инновационной предпринимательской деятельности, мы сочли

возможным использовать методику Лебедевой — Татарко в своих исследованиях.

Проверка шкал опросника на согласованность позволила авторам обосновать необходимость использования трехфакторной структуры инновативности личности — «креативность, риск ради успеха, ориентация на будущее», а также доказать ее универсальность.

Опросник включает 12 характеристик людей по трем выделенным шкалам, указанным выше: «Он считает, что изменения — это путь к успеху, с его точки зрения сегодняшние потери совсем необязательно плохи для будущего, он готов идти на риск ради достижений и др.» [8]. Респондентам предлагается оценить, насколько данный человек похож на него по пятибалльной шкале: «совсем не похож на меня, мало похож на меня, немного похож на меня, похож на меня, очень похож на меня». В качестве результата считается среднее арифметическое по вопросам, входящим в шкалу.

Эксперимент проходил на территории Челябинской области с 2014 по 2018 г. Участвовали 977 чел., из них: 280 — школьники (от 14 до 18 лет); 649 — студенты (очной и заочной форм обучения); 48 — студенты техникумов, или среднего профессионального образования (СПО). Однородность данных по годам (2014—2018) проверялась по методике Пирсона. Результаты позволяют говорить о том, что данные для каждой социальной группы (студенты — очной и заочной форм обучения, школьники старших классов, студенты СПО) не имели значимых различий по годам. Поэтому в таблице и при анализе экспериментальных данных мы их рассматривали как единые группы.

Параметры инновативности (мотивация творческой деятельности, самостоятельность, готовность к риску, устремленность в будущее, активная жизненная позиция и др.) оценивались авторами комплексно по шкалам (I — креативность; II — риск ради успеха; III — ориентация на будущее), представленным в табл. 1.

Таблица 1

Оценка инновативности молодежи региона по методике Лебедевой — Татарко

Респонденты	Шкалы			Обобщенный показатель
	I	II	III	
Студенты очной формы обучения	71,55	59,08	65,14	65,26
Студенты заочной формы обучения	62,52	52,12	64,12	59,59
Школьники старших классов	76,16	66,58	67,36	70,03
Студенты СПО	61,85	56,76	62,73	60,45

Примечание: данные выражены в % к максимально возможному баллу по методике.

Анализ данных, представленных в табл. 1, позволяет сделать заключение, что наиболее высокий индекс инновативности наблюдался у старшеклассников (70,03 % максимально возможного балла). Значимые отличия (для статистической обработки данных использовалась методика Стьюдента) зафиксированы при сравнении данных: «старшеклассники — студенты СПО»; а также «старшеклассники — студенты заочной формы обучения». Данные по старшеклассникам (обобщенный параметр) и студентам-очникам не были значимыми. Однако школьники значительно отличались от студентов-очников по параметру «риск ради успеха», что вполне можно объяснить возрастом и отсутствием жизненного опыта.

Интерес вызывает сравнение данных, полученных в ходе эксперимента для студентов разных направлений подготовки (табл. 2). Как видно из табл. 2, показатели обобщенного параметра были самыми высокими (68,32 %) у студентов педагогических и психологических направлений, наименьшие значения уровня инновативности (62,38 %) — у студентов юридических специальностей и направлений подготовки. Педагоги-психологи значительно отличались от юристов по параметру «креативность» (соответственно 77,54 и 68,10 %) и «ориентация на будущее» (70,32 и 63,17); по параметру «риск ради успеха» отличия были несущественными. Однако они были ниже на 3—5 %, чем у студентов экономических, управленческих и математических направлений подготовки. При этом данный показатель снижался у большинства студентов по мере их продвижения к окончанию вуза. Согласно нашим наблюдениям, негативное влияние оказывал соответствующий «профессиональный опыт» студентов при прохождении практик, который существенно отличался от ожидаемого ими.

Студенты экономических и управленческих направлений подготовки, которые имели существенно больше знаний (согласно программам обучения) в области инновационного предпринимательства, незначительно отличались по всем параметрам от студентов других групп, что не оправдало наших ожиданий.

В качестве вывода следует отметить, что сравнение полученных результатов по оценке уровня инновативности студентов (как важного аспекта становления предпринимателя-инноватора в условиях малых и средних городов Южного Урала) с аналогичными результатами, полученными другими авторами (Лебедева, Татарко, 2009 [8]; Лебедева, Лю, 2010 [9]), позволяет констатировать, что студенты, обучающиеся в региональных вузах, меньше ориентированы на инновационную деятельность. Значимые отличия наблюдались по всем шкалам, кроме шкалы «ориентация на будущее»; здесь студенты, проживающие в российской провинции, показали значимо более высокие результаты. При сравнении показателей с данными, полученными в результате тестирования китайских студентов, выявлены положительные значимые отличия по всем показателям, кроме показателя «ориентация на будущее» (отличий практически нет).

Таким образом, гипотеза, выдвинутая в начале исследования, о значимых отличиях в сформированности предикторов готовности студентов региональных вузов к инновационной предпринимательской деятельности полностью подтвердилась. Это позволяет говорить о необходимости системной, целенаправленной работы по формированию предикторов инновационной предпринимательской деятельности у студентов Южного Урала, учитывающей специфику региона, его многонациональность.

Таблица 2

Инновативность студентов вуза (методика Лебедевой — Татарко)

Группы студентов*	Креативность	Риск ради успеха	Ориентация на будущее	Общий индекс инновативности
I	70,89	60,72	65,15	65,59
II	77,54	57,11	70,32	68,32
III	69,19	59,01	62,49	63,56
IV	72,04	62,69	64,57	66,43
V	68,10	55,87	63,17	62,38

* Направления подготовки и специальности: I — математические, II — психолого-педагогические, III — экономические, IV — управленческие, V — юридические.

Список литературы

1. Бунин, И. М. Новые российские предприниматели и мифы посткоммунистического сознания [Электронный ресурс] (1993) / И. М. Бунин. — URL: http://www.libertarium.ru/l_liblibrus_art3 (дата обращения 27.09.2018).
2. Верховская, О. Р. Глобальный мониторинг предпринимательства: Россия 2016/2017. Национальный отчет / О. Р. Верховская, Е. А. Александрова, К. А. Богатырева, М. В. Джелепова, Э. В. Шмелева. — СПб. : Высшая школа менеджмента СПбГУ, 2017. — 66 с.
3. Галажинский, Э. В. Кросс-культурное исследование психологической готовности студентов к инновационному поведению / Э. В. Галажинский, В. Е. Ключко, О. М. Краснорядцева, И. А. Агеева // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2013. — Т. 6, № 1. — С. 69—78.
4. Губайдуллина, Г. Г. Деятельностно-важные качества инновационной личности [Электронный ресурс] / Г. Г. Губайдуллина // Социально-экономические и психологические проблемы управления. — URL: http://psyjournals.ru/social_economical_psychological_/issue/63181.shtml (дата обращения 27.09.2018).
5. Духон, А. Б. Влияние программ предпринимательского образования на развитие малого бизнеса в России: опыт эмпирического анализа в региональном контексте / А. Б. Духон, К. В. Зиньковский, О. И. Образцова, А. Ю. Чепуренко // Вопросы образования. — 2018. — № 2. — С. 139—172.
6. Журавлев, А. Л. Деловая активность предпринимателей: методы оценки и воздействия / А. Л. Журавлев, В. П. Позняков. — М. : Институт психологии РАН, 1995. — 58 с.
7. Королева, Д. О. Портрет инноватора образования XXI века / Д. О. Королева, Т. Е. Хавенсон // Вопросы образования. — 2015. — № 1. — С. 182—200.
8. Лебедева, Н. М. Методика исследования отношения личности к инновациям [Электронный ресурс] (2009) / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. — URL: www.gramota.net/materials/1/2009/4-2/29.html (дата обращения 27.09.2018).
9. Лебедева, Н. М. Культура и отношение к инновациям в России и Китае [Электронный ресурс] (2010) / Н. М. Лебедева, К. Лю. — URL: <https://psy.wikireading.ru/19151> (дата обращения 27.09.2018).
10. Лежнева, Н. В. Готовность к инновационной предпринимательской деятельности у молодежи малых городов России / Н. В. Лежнева // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Образование. Педагогические науки. — 2016. — Т. 8, № 3. — С. 57—61.
11. Лежнева, Н. В. Подготовка студентов вуза к инновационной деятельности: постановка проблемы и пути решения / Н. В. Лежнева, А. З. Воцкий // Alma mater (Вестник высшей школы). — 2015. — № 10. — С. 46—51.
12. Макклелланд, Д. Мотивация человека / Д. Макклелланд. — СПб. : Питер, 2007. — 672 с.
13. Мещерякова, Э. И. Особенности становления личностного потенциала субъекта инновационной деятельности / Э. И. Мещерякова, А. В. Ларионова // Психологическая наука и образование. — 2013. — № 2. — С. 69—75.
14. Мирзабалаева, Ф. И. Проблемы формирования и реализации современной региональной кадровой политики / Ф. И. Мирзабалаева, П. Р. Алиева // Региональная экономика: теория и практика. — 2016. — № 4 (427). — С. 58—68.
15. Национальные отчеты Глобального исследования предпринимательского потенциала студентов [Электронный ресурс] (2016). — URL: <http://gsom.spbu.ru/gsom/centers/eship/projects/guesss/> (дата обращения 27.09.2018).
16. Новиков, В. В. История возникновения и становления социальной психологии предпринимательства / В. В. Новиков, В. В. Марченко. — Ярославль : МАПН : ЯрГУ, 1998. — 90 с.
17. Печененко, В. В. Кадровая политика: проблемы и особенности в современной России / В. В. Печененко // Актуальные проблемы государственного и муниципального управления в условиях глобализационных процессов в мире. — 2015. — С. 378—387.
18. Психология предпринимательской деятельности / под ред. В. А. Бодрова. — М. : Институт психологии РАН, 1995. — 175 с.
19. Рубин, Ю. Б. Предпринимательское образование в России и за рубежом: история, содержание, стандарты, качество / Ю. Б. Рубин. — М. : Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2015. — 414 с.

20. Руководство Осло: рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. — М. : ОЭСР-ЦИСН, 2006. — 191 с.
21. Тюгашев, Е. А. Национальные особенности инновационной деятельности [Электронный ресурс] (2012) / Е. А. Тюгашев. — URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/439109/> (дата обращения 27.09.2018).
22. Федотова, В. А. Взаимосвязь ценностей и инновативных установок у представителей разных поколений россиян / В. А. Федотова // Социальная психология и общество. — 2016. — Т. 7, № 2. — С. 82—92. — doi: 10.17759/sps.2016070206.
23. Филинкова, Е. Б. Психология российского предпринимательства / Е. Б. Филинкова. — М. : Ректор, 2007. — 288 с.
24. Хайретдинова, О. А. Значение студенческого предпринимательства на современном этапе развития России / О. А. Хайретдинова // ScienceTime. — 2014. — Т. 5, № 5. — С. 225—233.
25. Чепуренко, А. Ю. Как и зачем обучать студентов предпринимательству: полемические заметки / А. Ю. Чепуренко // Вопросы образования. — 2017. — № 3. — С. 248—276.
26. Широкова, Г. В. Университетская среда и предпринимательская активность студентов: роль бизнес-опыта и предпринимательской самоэффективности / Г. В. Широкова, Т. В. Цуканова, К. А. Богатырева // Вопросы образования. — 2015. — № 3. — С. 171—207.
27. Шумпетер, Й. Теория экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры / Й. Шумпетер. — М. : Прогресс, 1982. — 158 с.
28. Яголковский, С. Р. Психология инноваций. Подходы, модели, процессы / С. Р. Яголковский — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. — 272 с.
29. Alsos, G. A. The Business Gestation Process of Novice, Serial, and Parallel Business Founders / G. A. Alsos, L. Kolvereid // Entrepreneurship: Theory & Practice. — 1998. — Vol. 22, no. 4. — P. 101—114.
30. Bae, T. J. The Relationship between Entrepreneurship Education and Entrepreneurial Intentions: A Meta-Analytic Review / T. J. Bae, S. Qian, C. Miao, J. O. Fiet // Entrepreneurship Theory and Practice. — 2014. — Vol. 38, no. 2. — P. 217—254.
31. Bhandari, N. C. Relationship between Students' Gender, their Own Employment their Parents' Employment, and the Students' Intention for Entrepreneurship / N. C. Bhandari // Journal of Entrepreneurship Education. — 2012. — Vol. 15, no. 1. — P. 133—144.
32. Brockhaus, R. H. The psychology of entrepreneur. Encyclopedia of Entrepreneurship / R. H. Brockhaus // Prentice-Hal. — 1982. — Vol. 42. — P. 39—57.
33. Chen, C. C. Does Entrepreneurial Self-Efficacy Distinguish Entrepreneurs from Managers? / C. C. Chen, P. G. Greene, A. Crick // Journal of Business Venturing. — 1998. — Vol. 13, no. 4. — P. 295—316.
34. DeVol, R. A matter of degrees: The effect of educational attainment on regional economic prosperity [Электронный ресурс] / R. DeVol, I. L. Shen, A. Bedroussian, N. Zhang. — Santa Monica : Milken Institute. — URL: <https://bloximages.chicago2.vip.townnews.com/tucson.com/content/tncms/assets/v3/editorial/0/ab/0ab99d43-e4b0-5c1e-920d-480d12f6ec0a/574f5fa72db96.pdf> (дата обращения 27.09.2018).
35. Dickson, P. H. Entrepreneurial Selection and Success: Does Education Matter? / P. H. Dickson, G. T. Solomon, K. M. Weaver // Journal of Small Business and Enterprise Development. — 2008. — Vol. 1—5, no. 2. — P. 239—258.
36. Fitzsimmons, J. R. Interaction between Feasibility and Desirability in the Formation of Entrepreneurial Intentions / J. R. Fitzsimmons, E. J. Douglas // Journal of Business Venturing. — 2011. — Vol. 26, no. 4. — P. 431—440.
37. Gatewood, E. J. A Longitudinal Study of Cognitive Factors Influencing Start-Up Behaviors and Success at Venture Creation / E. J. Gatewood, K. G. Shaver, W. B. Gartner // Journal of Business Venturing. — 1995. — Vol. 10, no. 5. — P. 371—391.
38. Gibb, A. Do We Really Teach (Approach) Small Business in the Way We Should? / A. Gibb // Internationalizing Entrepreneurship Education and Training. FGF Entrepreneurship Research Monographien / ed. by H. Klandt, J. Mugler, D. Muller-Boling. — B. 6. — Koln ; Dortmund : Eul-Verlag, 1996. — P. 3—20.
39. Gilad, B. A behavioral model of entrepreneurial supply / B. Gilad, P. Levine // Journal of Small Business Management. — 1986. — 24 (4). — P. 44—53.
40. Harrison, Y. One Night of Sleep Loss Impairs Innovative Thinking and Flexible Decision Making / Y. Harrison, J. A. Horne // Organizational Behavior and Human Decision Processes. — 1999. — Vol. 78, no. 2. — P. 128—145.

41. Hisrich, R. D. Entrepreneurship/intrapreneurship / R. D. Hisrich // *American Psychologist*. — 1990. — Vol. 45, no. 2. — P. 209—222.
42. Johannisson, B. University Training for Entrepreneurship: Swedish Approaches / B. Johannisson // *Entrepreneurship and Regional Development*. — 1991. — Vol. 3, no. 1. — P. 67—82.
43. Kets de Fries, M. F. R. The entrepreneurial personality: A person at the crossroads / M. F. R. Kets de Fries // *Journal of Management Studies*. — 1977. — Vol. 14, no. 1. — P. 34—57.
44. Lu, J. Personal innovativeness, social influences and adoption of wireless Internet services via mobile technology / J. Lu, J. E. Yao, C. S. Yu // *The Journal of Strategic Information Systems*. — 2005. — Vol. 14, no. 3. — P. 245—268.
45. Luthans, F. Human, social, and now positive psychological capital management / F. Luthans // *Investing in people for competitive advantage. Organizational Dynamic*. — 2004. — Vol. 33. — P. 143—160.
46. Martin, B. Examining the Formation of Human Capital in Entrepreneurship: A Meta-Analysis of Entrepreneurship Education Outcomes / B. Martin, J. J. McNally, M. J. Kay // *Journal of Business Venturing*. — 2013. — Vol. 28, no. 2. — P. 211—224.
47. McGee, J. E. Entrepreneurial Computer self-Efficacy: Refining the Measure. Entrepreneurship / J. E. McGee, M. Peterson, S. L. Mueller, J. M. Sequeira // *Theory and Practice*. — 2009. — Vol. 33, no. 3. — P. 965—988.
48. Moore, C. F. Understanding entrepreneurial behavior: A definition and model / C. F. Moore // *Proceeding of the National Academy of Management*. — 1986. — P. 66—70.
49. Morris, M. H. A Competency-Based Perspective on Entrepreneurship Education: Conceptual and Empirical Insights / M. H. Morris, J. W. Webb, J. Fu, S. Singhal // *Journal of Small Business Management*. — 1986. — Vol. 51, no. 3. — P. 352—369.
50. Nahapiet, J. Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage / J. Nahapiet, S. Ghoshal // *The Academy of Management Review*. — 1998. — Vol. 23, no. 2. — P. 242—266.
51. Oosterbeek, H. The Impact of Entrepreneurship Education on Entrepreneurship Skills and Motivation / H. Oosterbeek, M. van Praag, A. Ijsselstein // *European Economic Review*. — 2010. — Vol. 54, no. 3. — P. 442—454.
52. Sarasvathy, S. D. Causation and Effectuation: Toward a Theoretical Shift from Economic Inevitability to Entrepreneurial Contingency / S. D. Sarasvathy // *Academy of Management Review*. — 2001. — Vol. 26, no. 2. — P. 243—263.
53. Scott, S. G. Determinants of innovative behavior: A path model of individual innovation in the workplace / S. G. Scott, R. Bruce // *Journal of Product Innovation Management*. — 1994. — Vol. 37, no. 3. — P. 580—607.
54. Sesen, H. Personality or Environment? A Comprehensive Study on the Entrepreneurial Intentions of University Students / H. Sesen // *Education + Training*. — 2013. — Vol. 55, no. 7. — P. 624—640.
55. Stevenson, H. H. Paradigm of Entrepreneurship: Entrepreneurial Management / H. H. Stevenson, J. C. Jarillo // *Strategic Management Journal*. — 1990. — Vol. 11, no. 4. — P. 17—27.
56. Urbano, D. Entrepreneurial Universities: Socioeconomic Impacts of Academic Entrepreneurship in a European Context / D. Urbano, M. Guerrero // *Economic Development Quarterly*. — 2013. — Vol. 27, no. 1. — P. 40—55.
57. Weaver, K. M. Entrepreneurship and Education: What Is Known and What Is Not Known about the Links between Education and Entrepreneurial Activity / K. M. Weaver, P. H. Dickson, G. Solomon // *The Small Business Economy: A Report to the President* / ed. by Ch. Moutray. — Washington : SBA Office of Advocacy, 2006. — P. 113—156.
58. Zellweger, T. Should I stay or should I go? Career choice intentions of students with family business background / T. Zellweger, P. Sieger, F. Halter // *Journal of Business Venturing*. — 2011. — Vol. 26, no. 5. — P. 521—536.

Сведения об авторе

Лежнева Нина Вячеславовна — доктор педагогических наук, заведующая кафедрой педагогики и психологии, Троицкий филиал Челябинского государственного университета, Троицк, Россия. Legneva_nv@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.
Education and Healthcare. 2019. № 3—4 (7—8). P. 27—38.*

FORMATION OF READINESS OF STUDENTS OF REGIONAL HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS FOR INNOVATIVE BUSINESS ACTIVITY: HISTORY OF FORMATION OF A PROBLEM, SOLUTION

N.V. Lezhneva

Chelyabinsk State University, Troitsk branch, Troitsk, Russia. Legneva_nv@mail.ru

In article innovative business as the style of activity which is characterized by the orientation to creation or realization of innovations undertaken for achievement of positive economic or socially significant purposes” is considered”; the social-psychological predictors of the organization of successful innovative business activity in the conditions of the region (the small and average cities, agriculture) including two levels locate: the general, characteristic for most of successful domestic businessmen innovators (aspiration to achievement of financial success or other personally significant purposes by means of innovative activity, leader abilities, tendency to risk, a reflection, abilities of multiple planning of development of a situation, etc.) and special, characteristic more for innovative businessmen of the region (ethnocultural tolerance (that, is extremely important for the South Ural region differing in a multinationality); profound knowledge of historical traditions of the region, its modern situation, experience of innovative business activity on its territories, formation of information competence, frustratsionny tolerance, high level of an internalnost, dynamism, expressiveness of communicative qualities). Innovativeness of youth of the province, as important parameter of readiness for innovative business activity is investigated (on the example of Chelyabinsk region): research was conducted by Lebedeva’s technique — Tatarko, the level of innovativeness of students of higher education institutions of various specialties and the directions of preparation, seniors, students of SPO was compared. In article the reasons of decrease in motivational readiness of youth of the province for innovative business activity are analyzed.

Keywords: *the higher education, innovative business, region, predictors of innovative business activity, innovativeness.*

References

1. Bunin I.M. *Novye rossiiskie predprinimateli i mify postkommunisticheskogo soznaniya* [New Russian businessmen and myths of postcommunist consciousness]. 1993. Available at: http://www.libertarium.ru/1_lib-librus_art3, accessed 27.09.2018. (In Russ.).
2. Verkhovskaya O.R., Aleksandrova E.A., Bogatyreva K.A., Dzhelepova M.V., Shmeleva E.V. *Global’nyi monitoring predprinimatel’stva: Rossiya 2016/2017. Natsional’nyi otchet* [Global monitoring of business: Russia 2016/2017. National report]. St. Petersburg, Vysshaya shkola menedzhmenta SPbGU, 2017. 66 p. (In Russ.).
3. Galazhinskii E.V., Klochko V.E., Krasnoryadtseva O.M., Ageeva I.A. Kross-kul’turnoe issledovanie psikhologicheskoi gotovnosti studentov k innovatsionnomu povedeniyu [Cross-cultural research of psychological readiness of students for innovative behavior]. *Teoreticheskaya i eksperimental’naya psikhologiya* [Theoretical and experimental psychology], 2013, vol. 6, no. 1, pp. 69-78. (In Russ.).
4. Gubaidullina G.G. Deyatel’nostno-vazhnye kachestva innovatsionnoi lichnosti [Activity and important qualities of the innovative personality]. *Sotsial’no-ekonomicheskie i psikhologicheskie problemy upravleniya* [Social and economic and psychological problems of management]. Available at: http://psyjournals.ru/social_economical_psychological_/issue/63181.shtml, accessed 27.09.2018. (In Russ.).
5. Dukhon A.B., Zin’kovskii K.V., Obraztsova O.I., Chepurenko A.Yu. Vliyanie programm predprinimatel’sko-go obrazovaniya na razvitie malogo biznesa v Rossii: opyt empiricheskogo analiza v regional’nom kontekste [Influence of programs of enterprise education on development of small business in Russia: experience of the empirical analysis in a regional context]. *Voprosy obrazovaniya* [Questions of education], 2018, no. 2, pp. 139-172. (In Russ.).
6. Zhuravlev A.L., Poznyakov V.P. *Delovaya aktivnost’ predprinimatelei: metody otsenki i vozdeistviya* [Business activity of businessmen: methods of an assessment and influence]. Moscow, Institut psikhologii RAN, 1995. 58 p. (In Russ.).

7. Koroleva D.O., Khavenson T.E. Portret innovatora obrazovaniya XXI veka [Portrait of the innovator of formation of the XXI century]. *Voprosy obrazovaniya* [Questions of education], 2015, no. 1, pp. 182-200. (In Russ.).
8. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. *Metodika issledovaniya otnosheniya lichnosti k innovatsiyam* [Technique of research of the relation of the personality to innovations], 2009. — Available at: www.gramota.net/materials/1/2009/4-2/29.html, accessed 27.09.2018. (In Russ.).
9. Lebedeva N.M. *Kul'tura i otnoshenie k innovatsiyam v Rossii i Kitae* [Culture and the relation to innovations in Russia and China], 2010. Available at: <https://psy.wikireading.ru/19151>, accessed 27.09.2018. (In Russ.).
10. Lezhneva N.V. Gotovnost' k innovatsionnoi predprinimatel'skoi deyatelnosti u molodezhi malykh gorodov Rossii [Readiness to innovative business activity at youth of the small cities of Russia]. *Vestnik YuURGU Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki* [Bulletin of South Ural State University. Education. Pedagogical sciences], 2016, vol. 8, no.3, pp. 57-61. (In Russ.).
11. Lezhneva N.V., Votskii A.Z. Podgotovka studentov vuza k innovatsionnoi deyatelnosti: postanovka problemy i puti resheniya [Training of students of higher education institution for innovative activity: statement of a problem and solution]. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)* [Alma mater (Bulletin of the higher school)], 2015, no. 10, pp. 46-51. (In Russ.).
12. Makklelland D. *Motivatsiya cheloveka* [Motivation of the person]. St. Petersburg, Piter, 2007. 672 p. (In Russ.).
13. Meshcheryakova E.I., Larionova A.V. Osobennosti stanovleniya lichnostnogo potentsiala sub'ekta innovatsionnoi deyatelnosti [Features of formation of personal potential of the subject of innovative activity]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2013, no. 2, pp. 69-75. (In Russ.).
14. Mirzabalaeva F.I., Alieva P.R. Problemy formirovaniya i realizatsii sovremennoi regional'noi kadrovoi politiki [Problems of formation and realization of modern regional personnel policy]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice], 2016, no. 4 (427), pp. 58-68. (In Russ.).
15. *Natsional'nye otchety Global'nogo issledovaniya predprinimatel'skogo potentsiala studentov* [National reports of Global research of enterprise potential of students], 2016. Available at: <http://gsom.spbu.ru/gsom/centers/eship/projects/guesss/>, accessed 27.09.2018. (In Russ.).
16. Novikov V.V., Marchenko V.V. *Istoriya vozniknoveniya i stanovleniya sotsial'noi psikhologii predprinimatel'stva* [Storiy of emergence and formation of social psychology of business]. Yaroslavl, MAPN i YarGU, 1998. 90 p. (In Russ.).
17. Pechenenko V.V. Kadrovaya politika: problemy i osobennosti v sovremennoi Rossii [Personnel policy: problems and features in modern Russia]. *Aktual'nye problemy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya v usloviyakh globalizatsionnykh protsessov v mire* [Actual problems of the public and municipal administration in the conditions of globalization processes in the world], 2015, pp. 378-387. (In Russ.).
18. Bodrov V.A. (ed.). *Psikhologiya predprinimatel'skoi deyatelnosti* [Psychology of business activity]. Moscow, Institut psikhologii RAN, 1995. 175 p. (In Russ.).
19. Rubin Yu.B. *Predprinimatel'skoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom: istoriya, sodержanie, standarty, kachestvo* [Enterprise education in Russia and abroad: history, contents, standards, quality]. Moscow, Moskovskii finansovo-promyshlennyi universitet "Sinergiya", 2015. 414 p. (In Russ.).
20. *Rukovodstvo Oslo: rekomendatsii po sboru i analizu dannykh po innovatsiyam* [Management of Oslo: recommendations about collecting and analysis of data on innovations]. Moscow, OESR-TsISN, 2006. 191 p. (In Russ.).
21. Tyugashev E.A. *Natsional'nye osobennosti innovatsionnoi deyatelnosti* [National features of innovative activity], 2012. Available at: www.runivers.ru/philosophy/logosphere/439109/, accessed 27.09.2018. (In Russ.).
22. Fedotova V.A. Vzaimosvyaz' tsennostei i innovativnykh ustanovok u predstavitelei raznykh pokolenii rossiyan [Relationship of values and the innovativnykh of installations at representatives of different generations of Russians]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2016, vol. 7, no. 2, pp. 82-92. doi:10.17759/sps.2016070206. (In Russ.).
23. Filinkova E.B. *Psikhologiya rossiiskogo predprinimatel'stva* [Psychobiology of the Russian business]. Moscow, Rektor, 2007. 288 p. (In Russ.).
24. Khairtdinova O.A. Znachenie studencheskogo predprinimatel'stva na sovremennom etape razvitiya Rossii [Value of student's business at the present stage of development of Russia]. *ScienceTime*, 2014, vol. 5, no. 5, pp. 225-233. (In Russ.).

25. Chepurenko A.Yu. Kak i zachem obuchat' studentov predprinimatel'stvu: polemicheskie zametki [As well as why to train students in business: polemic notes]. *Voprosy obrazovaniya* [Questions of education], 2017, no. 3, pp. 248-276. (In Russ.).
26. Shirokova G.V., Tsukanova T.V., Bogatyreva K.A. Universitetskaya sreda i predprinimatel'skaya aktivnost' studentov: rol' biznes-opyta i predprinimatel'skoi samoeffektivnosti [University environment and enterprise activity of students: role of business experience and enterprise self-efficiency]. *Voprosy obrazovaniya* [Questions of education], 2015, no. 3, pp. 171-207. (In Russ.).
27. Shumpeter I. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya: issledovanie predprinimatel'skoi pribyli, kapitala, kredita, protsenta i tsikla kon'yunktury* [Theory of economic development: research of enterprise profit, capital, credit, percent and cycle of an environment]. Moscow, Progress, 1982. 158 p. (In Russ.).
28. Yagolkovskii S.R. *Psikhologiya innovatsii. Podkhody, modeli, protsessy* [Psychobiology of innovations. Approaches, models, processes]. Moscow, Publishing house of Higher School of Economics, 2011. 272 p. (In Russ.).
29. Alsos G.A., Kolvereid L. The Business Gestation Process of Novice, Serial, and Parallel Business Founders. *Entrepreneurship: Theory & Practice*, 1998, vol. 22, no. 4, pp. 101-114.
30. Bae T.J., Qian S., Miao C., Fiet J.O. The Relationship between Entrepreneurship Education and Entrepreneurial Intentions: A Meta-Analytic Review. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 2014, vol. 38, no. 2, pp. 217-254.
31. Bhandari N.C. Relationship between Students' Gender, their Own Employment their Parents' Employment, and the Students' Intention for Entrepreneurship. *Journal of Entrepreneurship Education*, 2012, vol. 15, no. 1, pp. 133-144.
32. Brockhaus R.H. The psychology of entrepreneur. *Encyclopedia of Entrepreneurship*. Prentice-Hal, 1982, vol. 42, pp. 39-57.
33. Chen C.C., Greene P.G., Crick A. Does Entrepreneurial Self-Efficacy Distinguish Entrepreneurs from Managers? *Journal of Business Venturing*, 1998, vol. 13, no. 4, pp. 295-316.
34. DeVol R., Shen I.L., Bedroussian A., Zhang N. *A matter of degrees: The effect of educational attainment on regional economic prosperity*. Santa Monica: Milken Institute. Available at: <https://bloximages.chicago2.vip.townnews.com/tucson.com/content/tncms/assets/v3/editorial/0/ab/0ab99d43-e4b0-5c1e-920d-480d12f6e-c0a/574f5fa72db96.pdf>. pdf, accessed 27.09.2018.
35. Dickson P.H., Solomon G.T., Weaver K.M. Entrepreneurial Selection and Success: Does Education Matter? *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 2008, vol. 15, no. 2, pp. 239-258.
36. Fitzsimmons J.R., Douglas E.J. Interaction between Feasibility and Desirability in the Formation of Entrepreneurial Intentions. *Journal of Business Venturing*, 2011, vol. 26, no. 4, pp. 431-440.
37. Gatewood E.J., Shaver K.G., Gartner W.B. A Longitudinal Study of Cognitive Factors Influencing Start-Up Behaviors and Success at Venture Creation. *Journal of Business Venturing*, 1995, vol. 10, no. 5, pp. 371-391.
38. Gibb A., Klandt H., Mugler J., Muller-Boling D. (eds.). Do We Really Teach (Approach) Small Business in the Way We Should? *Internationalizing Entrepreneurship Education and Training. FGF Entrepreneurship Research Monographien*, 1996. Bd. 6. Koln, Dortmund, Eul-Verlag. Pp. 3-20.
39. Gilad B., Levine P. A behavioral model of entrepreneurial supply. *Journal of Small Business Management*, 1986, no. 24 (4), pp. 44-53.
40. Harrison Y., Horne J.A. One Night of Sleep Loss Impairs Innovative Thinking and Flexible Decision Making. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 1999, vol. 78, no. 2, pp. 128-145.
41. Hisrich R.D. Entrepreneurship/intrapreneurship. *American Psychologist*, 1990, vol. 45, no. 2, pp. 209-222.
42. Johannisson B. University Training for Entrepreneurship: Swedish Approaches. *Entrepreneurship and Regional Development*, 1991, vol. 3, no. 1, pp. 67-82.
43. Kets de Fries M.F.R. The entrepreneurial personality: A person at the crossroads. *Journal of Management Studies*, 1977, vol. 14, no. 1, pp. 34-57.
44. Lu J., Yao J.E., Yu C.S. Personal innovativeness, social influences and adoption of wireless Internet services via mobile technology. *The Journal of Strategic Information Systems*, 2005, vol. 14, no. 3, pp. 245-268.
45. Luthans F. Human, social, and now positive psychological capital management. *Investing in people for competitive advantage. Organizational Dynamic*, 2004, vol. 33, pp. 143-160.
46. Martin B., McNally J.J., Kay M.J. Examining the Formation of Human Capital in Entrepreneurship: A Meta-Analysis of Entrepreneurship Education Outcomes. *Journal of Business Venturing*, 2013, vol. 28, no. 2, pp. 211-224.

47. McGee J.E., Peterson, M., Mueller, S.L. and Sequeira, J.M. Entrepreneurial Computer self-Efficacy: Refining the Measure. *Entrepreneurship. Theory and Practice*, 2009, vol. 33, no. 3, pp. 965-988.
48. Moore C.F. Understanding entrepreneurial behavior: A definition and model. *Proceeding of the National Academy of Management*, 1986, pp. 66-70.
49. Morris M.H., Webb J.W., Fu J., Singhal S. A Competency-Based Perspective on Entrepreneurship Education: Conceptual and Empirical Insights. *Journal of Small Business Management*, 1986, vol. 51, no. 3, pp. 352-369.
50. Nahapiet J., Ghoshal S. Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage. *The Academy of Management Review*, 1998, vol. 23, no. 2, pp. 242-266.
51. Oosterbeek H., van Praag M., Ijsselstein A. The Impact of Entrepreneurship Education on Entrepreneurship Skills and Motivation. *European Economic Review*, 2010, vol. 54, no. 3, pp. 442-454.
52. Sarasvathy S.D. Causation and Effectuation: Toward a Theoretical Shift from Economic Inevitability to Entrepreneurial Contingency. *Academy of Management Review*, 2001, vol. 26, no. 2, pp. 243-263.
53. Scott S.G., Bruce R. Determinants of innovative behavior: A path model of individual innovation in the workplace. *Journal of Product Innovation Management*, 1994, vol. 37, no. 3 pp. 580-607.
54. Sesen H. Personality or Environment? A Comprehensive Study on the Entrepreneurial Intentions of University Students. *Education + Training*, 2013, vol. 55, no. 7, pp. 624-640.
55. Stevenson H.H., Jarillo J.C. A Paradigm of Entrepreneurship: Entrepreneurial Management. *Strategic Management Journal*, 1990, vol. 11, no. 4, pp. 17-27.
56. Urbano D., Guerrero M. Entrepreneurial Universities: Socioeconomic Impacts of Academic Entrepreneurship in a European Context. *Economic Development Quarterly*, 2013, vol. 27, no. 1, pp. 40-55.
57. Weaver K.M., Dickson P.H., Solomon G. Entrepreneurship and Education: What Is Known and What Is Not Known about the Links between Education and Entrepreneurial Activity. Ch. Moutray (ed.) *The Small Business Economy: A Report to the President. SBA Office of Advocacy*. Washington, 2006. Pp. 113-156.
58. Zellweger T., Sieger P., Halter F. Should I stay or should I go? Career choice intentions of students with family business background. *Journal of Business Venturing*, 2011, vol. 26, no. 5, pp. 521-536.

ОБМЕН ОПЫТОМ EXCHANGE OF EXPERIENCE

*Вестник Челябинского государственного университета.
Образование и здравоохранение. 2019. № 3—4 (7—8). С. 39—44.*

УДК 577.125.8:616
ББК 28.072+54.102

РЕГУЛЯТОРНЫЕ ПРОЦЕССЫ У ДЕТЕЙ С ТЯЖЕЛЫМИ НАРУШЕНИЯМИ РЕЧИ: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

С. А. Белоусова¹, Н. В. Войниленко², Л. В. Светлакова²

¹ *Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

² *Школа-интернат № 11 для детей с тяжелыми нарушениями речи города Челябинска, Челябинск, Россия*

У детей с тяжелыми нарушениями речи (ТНР) затруднено формирование регуляторных процессов в связи с тем, что речевые проблемы осложняют программирование внутреннего мира личности, а переживания, связанные с дизонтогенезом, негативно нагружают сферу сознания. Успешность формирования коррекционно-развивающих программ зависит от способности образовательной системы выявлять особенности саморегуляции у обучающихся с ТНР. На основе теоретических подходов А. К. Осницкого, В. И. Моросановой, Г. С. Прыгина сформирован пакет методик для изучения проявлений саморегуляции у младших школьников с ТНР. Исследование показало, что у детей с ТНР численно меньше по сравнению с условно здоровыми сверстниками группа «автономных» детей и больше — группа «зависимых». В целом у группы с ТНР меньше эффективность функционирования таких компонентов, составляющих систему субъектной регуляции, как: «модель субъективно значимых условий деятельности», «принятая субъектом программа исполнительных действий» и «корригирование на основе информации о достигаемых результатах».

Ключевые слова: *саморегуляция, произвольная деятельность, нарушение речи.*

Введение

Любой индивид заинтересован в развитии способности настраивать свой внутренний мир и самого себя на соответствие внешним обстоятельствам, не только не поддаваясь деструктивному влиянию внешних факторов, но и самостоятельно создавая и/или актуализируя нужные механизмы. Несостоятельность в саморегулировании сказывается на эффективности деятельности, расстраивает межличностные отношения, ведет к расстройству здоровья индивида. Поэтому поддержка в развитии навыков саморегуляции может быть востребована в работе психолога с самыми разными группами клиентов. Но особое отношение к тонкостям формирования саморегуляции возникает в работе с лицами, имеющими ограниченные возможности здоровья (ОВЗ). Например, для детей с тяжелыми нарушениями речи (ТНР) это особая проблема. Во-первых, язык — не просто оболочка мысли. В филогенезе человечества язык превратился в самый мощный фактор формирования, программирования внутреннего мира личности.

Примитивность речи индивида свидетельствует об убожестве его духовного состояния. Усваивая язык, люди усваивают вместе с ним то, что в него заложено, и тем самым программируют свое повседневное поведение. В результате продолжительных соматических болезней, эмоциональных перегрузок, депрессии или нахождения в пограничных состояниях, вызванных травмами физической или социальной природы, у человека могут наблюдаться нарушения сферы сознания. При этом они в первую очередь касаются способности человека осознавать себя, то есть самосознания, и лишь затем возможна потеря способности к отражению объектов внешнего мира [3].

Анализ научной литературы показывает, что широко используемое понятие «саморегуляция» часто употребляется без должной конкретизации, а данных о регуляторных процессах у детей с ТНР накоплено недостаточно для формирования коррекционно-развивающих программ. Поэтому мы поставили перед собой цель изучить особенности саморегуляции у обучающихся с ТНР.

В своем исследовании мы исходили из утверждения, что саморегуляция понимается как свойство сложно организованных систем компенсировать влияние внешнего воздействия, сохранять внутреннюю стабильность на определенном, относительно постоянном уровне. Психическая саморегуляция является одним из уровней регуляции активности этих систем, выражающим специфику реализующих ее психических средств отражения и моделирования действительности, в том числе рефлексии субъекта; осуществляется в единстве энергетических, динамических и содержательно-смысловых аспектов. При всем разнообразии видов проявления саморегуляции она имеет следующую структуру: принятая субъектом *цель* его произвольной активности, *модель значимых условий* деятельности, *программа* собственно исполнительских действий, *система критериев успешности* деятельности, *информация* о реально достигнутых результатах, *оценка* соответствия реальных результатов критериям успеха, *решения* о необходимости и характере коррекций деятельности.

Методы исследования

Мы использовали «Опросник автономности и зависимости» Г. С. Прыгина для младших школьников [4]. Инструмент предполагает анализ ребенком 20 утверждений на предмет согласия или несогласия отнести это к своим характеристикам и позволяет сделать выводы об автономности (в случае совпадения с ключом в 11 и более выборах) или зависимости (в случае совпадения с ключом менее шести выборов) испытуемых. Для облегчения работы школьников со стимульным материалом методика предъявлялась им устно и письменно (отдельно напечатанные утверждения испытуемые делили на группы в зависимости от своего отношения к ним).

Процесс субъектной регуляции у испытуемых характеризуется различными структурно-функциональными и личностно-типологическими особенностями, что проанализировано с помощью методики ТСРР (типология субъектной регуляции ребенка) С. В. Хусаиновой и Г. С. Прыгина [Там же]. Проективная методика ТСРР предназначена для диагностики «автономности — зависимости» у детей 5—7 лет. ТСРР состоит из 15 стимульных карт, определяющих степень автономности ребенка и представляющих собой, по мнению авторов, шкалу «автономности», включающую в себя все свойства этого типа субъектной само-

регуляции. Шкала «автономность» характеризует тип субъектной саморегуляции произвольной активности.

Нами применено экспертное оценивание саморегуляции ребенка учителем. В основе экспертных оценок — теоретический подход А. К. Осницкого, реализованный в опроснике «Саморегуляция» [См.: 1]. Обсуждение с педагогами испытуемых включало оценку следующего: как ребенок ставит цель, моделирует условия, программирует действия, обеспечивает регуляцию в целом, упорядочена ли деятельность, насколько регулярно детализируются действия, проявляется ли в действиях осторожность, уверенность, инициативность, осознанность, как характеризуется практическая реализуемость намерений, критичность в поступках, ориентированность на оценочный балл, ответственность в делах и поступках, автономность или зависимость в действиях, гибкость, пластичность в действиях, вовлечение полезных привычек в регуляцию действий.

В исследование включено также строго структурированное интервьюирование родителей обучающихся. В основе интервью — теоретический подход В. И. Моросановой [2], реализованный в опроснике «Саморегуляция». Обсуждение с родителями испытуемых того, как ребенок характеризует индивидуальные особенности целеполагания и удержания целей, уровень сформированности у него осознанного планирования деятельности — планирование (Пл); развитость представлений о системе внешних и внутренних значимых условий, степень их осознанности, детализированности и адекватности — моделирование (М); предпосылки развития осознанного программирования ребенком своих действий — программирование (Пр); развитость и адекватность оценки испытуемым себя и результатов своей деятельности и поведения — оценивание результатов (ОР); предпосылки уровня сформированности регуляторной гибкости, то есть способности перестраивать систему саморегуляции в связи с изменением внешних и внутренних условий, — гибкость (Г); развитость регуляторной автономности — самостоятельность (С).

Выборка исследования

Обследованы 36 школьников с тяжелыми нарушениями речи в возрасте 8 лет. Также в исследовании приняли участие учителя начальных классов и 36 родителей обучающихся.

Обсуждение полученных результатов

Опросник автономности и зависимости Г. С. Прыгина

Согласно шкале нормирования автора, средний балл по группе «автономных» составил $x_a = 12,8$ при $\sigma_a = 1,6$, а в группе «зависимых» — $x_3 = 6,3$ при $\sigma_3 = 1,6$. В группу «автономных» вошли 5 школьников (13,9% обследованных), в группу «зависимых» — 8 (22,2%). Как видим, группа «зависимых» оказалась существенно многочисленнее. Считается, что у субъектов с автономным типом осуществления регуляторных процессов функциональная эффективность системы субъектной регуляции деятельности выше, чем у субъектов с зависимым типом регуляции. Это проявляется в большей эффективности функционирования таких компонентов, составляющих систему субъектной регуляции, как: «модель субъективно значимых условий деятельности», «принятая субъектом программа исполнительных действий» и «корригирование на основе информации о достигаемых результатах» [4. С. 111]. У испытуемых группы «зависимых» «моделирование субъективно значимых черт и условий деятельности» не достигает того уровня функциональной сформированности, который характерен для группы «автономных» [Там же. С. 120]. Исследователи характеризуют стиль субъектной регуляции «автономных» субъектов как «компенсаторно-пластичный», «зависимых» субъектов — как «застывающе-ригидный», «смешанных» субъектов — как «ограниченно-пластичный» [Там же. С. 161].

ТСРР С. В. Хусаиновой и Г. С. Прыгина

Выявлено только 6 испытуемых (16,7% обследованных) с высокими показателями автономности по данной методике. «Автономные» дети: доминантны, обособляющиеся, присутствует проекция на будущее, не видят себя в образе другого пола, помощи от других не ждут, рассказывают о себе красочно, организованны, контролируют ситуацию, решительны. У этих детей выражена потребность в самостоятельности при осуществлении ими поведения и деятельности. Такие дети обладают необходимыми умениями самоорганизации деятельности, при ее выполнении опираются главным образом на собственные суждения, личностные качества (что соответствуют «автономному» типу субъектной саморегуляции). Ребенок способен самостоятельно ставить цели деятельности и в достаточной мере осознанно планировать свое

поведение. Дети способны выделять значимые условия достижения целей как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем. В новых условиях (неожиданная перемена места жительства или места дошкольного учреждения, возникновение непредвиденных обстоятельств) способны быстро оценить изменение значимых условий и легко перестроить планы и программы исполнительских действий и поведения. Таким образом, дети с высокими показателями по шкале «автономность» демонстрируют пластичность регуляторных процессов, причем гибкость регуляtorики позволяет им адекватно реагировать на быстрое изменение событий и успешно достигать поставленных целей.

Низкие результаты по шкале «автономность» показали 14 чел. (38,9%). «Зависимые» дети: не оценивают себя адекватно, меняют пол на противоположный (девочки — зайчики, мальчики — сестры). При возникновении проблемы кто-то должен помочь, дезорганизованы, отсутствует контроль, покоряются ситуации (можно легко увести от цели), нерешительны. Считается, что у таких испытуемых процессы субъектной саморегуляции характеризуются несовершенными структурно-функциональными компонентами. Дети с зависимым типом субъектной саморегуляции не могут определить правильность выбранного ими способа действий или оценить значимость того или иного фактора, влияющего на успешность деятельности, не умеют сами критически проанализировать полученные результаты и т. д. В результате им часто приходится обращаться за помощью к более успешным детям или взрослым. У этих детей потребность в планировании развита слабо, планы часто нереальны и изменчивы, в связи с чем поставленная цель достигается редко. Цели ситуативны и, как правило, заданы кем-то другим. У таких детей наблюдаются резкие перепады отношения к развитию ситуации, последствиям своих действий. Такие дети более импульсивны, они действуют путем проб и ошибок, причем ребенок не замечает своих ошибок, не критичен к своим действиям, что ведет к резкому ухудшению качества достигаемых результатов, ухудшению состояния или возникновению внешних трудностей. Дети с низкими показателями по шкале в динамичных, быстро меняющихся обстоятельствах чувствуют себя неуверенно, с трудом привыкают к смене обстановки и образа жизни. В результате у таких детей неизбежно возникают регуляторные сбои и, как следствие, неудачи в выполнении деятельности.

Экспертное оценивание саморегуляции ребенка учителем

По мнению учителей, у обучающихся лучше проявляется сформированность и обеспеченность отдельных звеньев регуляции, в первую очередь — целеполагания. Оценки учителей выше по показателям «планирует, организует свои дела и работу», «умеет выполнить полученное задание». На втором месте по уровню развития у школьников, согласно экспертным оценкам учителей, умение программировать действия: «чаще всего избирает верный путь решения задачи»; «правильно планирует свои занятия и работу»; «пытается решить задачи разными способами». Существенно хуже обстоят дела с моделированием условий, оцениванием результатов, коррекцией результатов и способа действий. Показательно, что целостные функциональные свойства саморегуляции у школьников (обеспеченность регуляции в целом, упорядоченность, устойчивость, детализация, привычность, практичность, субъектная детализированность) оцениваются учителями несколько ниже. Но существенно ниже оцениваются динамические свойства саморегуляции детей (уверенность, инициативность, осторожность, пластичность, практическая реализуемость в противовес лишь мысленным намерениям) и личностно-стилевые качества регуляции (критичность, автономность, ответственность, воспитуемость).

Интервьюирование родителей обучающихся

В целом участие в обсуждении особенностей процессов регуляции у детей оказалось сложной задачей для многих родителей обучающихся с ТНР, о чем свидетельствуют отказы в оценках по многим параметрам саморегуляции. Между тем показательно, что в оценках отдельных параметров особенностей саморегуляции детей в целом родители устанавливают те же рейтинговые позиции, что и учителя.

Так, выше характеризуют родители сформированность у детей осознанного планирования деятельности. Хотя многие отмечают, что у детей потребность в планировании развита слабо, планы подвержены смене, поставленная цель зачастую бывает не достигнута, планирование недействительно, малореалистично. На втором месте по уровню развития, по мнению родителей, способность оце-

нивать результаты. Однако многие респонденты указывают на то, что ребенок не замечает свои ошибки, не критичен к своим действиям, субъективные критерии успешности недостаточно устойчивы. Как и учителя, родители считают недостаточно развитыми представления детей о внешних и внутренних значимых условиях, возникающих трудностях в определении цели и программы действий, адекватных текущей ситуации. Больше всего проблем видят родители в развитии у ребенка регуляторной гибкости и самостоятельности. Дети с низкими показателями по гибкости регуляторики в динамичной обстановке чувствуют себя неуверенно, с трудом приспособиваясь к любым переменам. Незрелость регуляторной автономности делает детей беспомощными, зависимыми от чужих мнений и оценок.

Выводы

У детей с ТНР проявляются определенные тонкости в формировании саморегуляции в силу проблем в формировании языка. Численно меньше по сравнению с условно здоровыми сверстниками группа «автономных» детей и больше — группа «зависимых». У субъектов с зависимым типом осуществления регуляторных процессов функциональная эффективность системы субъектной регуляции деятельности ниже, чем у субъектов с автономным типом регуляции. Это проявляется в меньшей эффективности функционирования таких компонентов, составляющих систему субъектной регуляции, как: «модель субъективно значимых условий деятельности», «принятая субъектом программа исполнительных действий» и «корректирование на основе информации о достигаемых результатах». Кроме того, существенные проблемы усматривают учителя в динамических свойствах саморегуляции детей (уверенность, инициативность, осторожность, пластичность, практическая реализуемость в противовес лишь мысленным намерениям) и личностно-стилевых качествах регуляции (критичность, автономность, ответственность, воспитуемость). Родители обучающихся, поддерживая в целом сформированный в экспертных оценках учителей рейтинг проблем в саморегуляции детей, больше всего трудностей видят в развитии у ребенка регуляторной гибкости и самостоятельности.

Полученные данные свидетельствуют о востребованности поддержки детей в развитии навыков саморегуляции.

Список литературы

1. Белозерцева, И. Н. Обучаем ребенка саморегуляции (учебная программа по курсу «Учись учиться» для 1-х — 4-х классов общеобразовательной школы) / И. Н. Белозерцева. — Иркутск : Сервико, 2001. — 60 с.
2. Моросанова, В. И. Стилевая саморегуляция поведения человека / В. И. Моросанова, Е. М. Козноз // Вопросы психологии. — 2000. — № 2. — С. 118—127.
3. Панасенко, К. Е. Особенности саморегуляции и произвольной деятельности у дошкольников с нарушениями речевого развития / К. Е. Панасенко // Наука вчера, сегодня, завтра. № 1 (35) : сб. ст. по материалам XLII междунар. науч.-практ. конф. — Новосибирск : СибАК, 2017. — С. 58—64.
4. Прыгин, Г. С. Психология самостоятельности : монография / Г. С. Прыгин. — Ижевск ; Набережные Челны : Изд-во Института управления, 2009. — 408 с.

Сведения об авторах

Белюсова Светлана Анатольевна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. belousova.s.2018@yandex.ru

Войниленко Наталия Васильевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории, методики и управления дошкольным образованием Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, директор МБОУ «С(К)ОШ № 11 города Челябинска для детей с ТНР», Челябинск, Россия. internat011@rambler.ru

Светлакова Любовь Викторовна — педагог-психолог МБОУ «С(К)ОШ № 11 города Челябинска для детей с ТНР», Челябинск, Россия. lubov.svet79@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

Education and Healthcare. 2019. № 3—4 (7—8). P. 39—44.

REGULATORY PROCESSES IN CHILDREN WITH SEVERE SPEECH DISTURBANCES: RESEARCH APPROACHES

S.A. Belousova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. belousova.s.2018@yandex.ru

N.V. Voynilenko

*Boarding school No. 11 for children with severe speech impairments, Chelyabinsk, Russia.
internat011@rambler.ru*

L.V. Svetlakova

*Boarding school No. 11 for children with severe speech impairments, Chelyabinsk, Russia.
lubov.svet79@mail.ru*

In children with severe speech impairment, the formation of regulatory processes is difficult due to the fact that speech problems complicate the programming of the inner world of the personality, and experiences associated with dysontogenesis negatively “load” the sphere of consciousness. The success of the formation of correctional and developmental programs depends on the ability of the educational system to identify the features of self-regulation among students with TNR. Based on the theoretical approaches of A.K. Osnitsky, V.I. Morosanova, G.S. Prygin formed a package of techniques for studying the manifestations of self-regulation in elementary students with TNR. The study showed that children with TNR have a numerically smaller group of “autonomous” children compared to conditionally healthy peers and a larger group of “dependent” ones. In general, a group with TNR has less effective functioning of such components that make up the system of subjective regulation, such as: “a model of subjectively significant conditions

of activity”, “program of executive actions adopted by the subject” and “corrections based on information on achieved results”.

Keywords: *self-regulation, voluntary activity, speech impairment.*

References

1. Belozertseva I.N. *Teaching a child self-regulation (curriculum for the course “Learn to learn” for 1-4 classes of secondary school)*. Irkutsk, Serviko, 2001. 60 p.
2. Morosanova V.I., Konoz E.M. Style self-regulation of human behavior. *Questions of psychology*, 2000, no. 2, pp. 118-127.
3. Panasenko K.E. Features of self-regulation and voluntary activity in preschool children with speech development disorders. *Science Yesterday, Today, Tomorrow*. No. 1 (35). Novosibirsk, SibAK, 2017. Pp. 58-64.
4. Prygin G.S. *Psychology of independence*. Izhevsk, Naberezhnye Chelny, Publishing House of the Institute of Management, 2009. 408 p.

УДК 159.9.07
ББК 88.41

ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У СОТРУДНИКОВ СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

А. В. Першина¹, Н. Г. Быструшкина²

¹ Челябинская областная клиническая больница, отделение скорой медицинской помощи, Чебаркуль, Россия

² Южно-Уральский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ, Челябинск, Россия

Изложены представления относительно специфики мышления у сотрудников скорой медицинской помощи, обусловленные стрессогенными условиями выполнения ими профессиональной деятельности; описаны результаты изучения у них иррациональных установок как проявления стереотипизации мышления.

Ключевые слова: профессиональная деятельность сотрудников скорой медицинской помощи, практическое мышление, стереотипизация, категоризация, иррациональные установки.

Служба скорой медицинской помощи (СМП) — это важнейшее звено в системе здравоохранения не только в России, но и в других странах. Основная задача, состоящая в оказании неотложной медицинской помощи людям, оказавшимся на грани жизни и смерти, имеет первоочередное значение в любом обществе. Профессия врача скорой помощи обоснованно считается одной из наиболее социально значимых, сложных и ответственных среди всех специальностей, в том числе медицинских.

Исследования деятельности врачей и фельдшеров СМП [1; 4] показали, что она осуществляется в условиях, которые вызывают ситуацию постоянного стресса у специалистов. Отмечаются такие особенности деятельности, как высокий динамизм, нехватка времени, рабочие перегрузки, сложность возникающих профессиональных ситуаций, ролевая неопределенность, социальная оценка, необходимость осуществления частых и интенсивных контактов, взаимодействие с различными социальными группами, монотонность как состояние постоянного психического напряжения работников, связанного с непрерывной готовностью выезда на место происшествия; работа в ночное время, приводящая к нарушению ритмов сна и бодрствования, что ведет к астенизации нервной системы, влияет на когнитивные процессы и на процесс принятия решений в целом и т. д. Вместе с тем основная задача деятельности сотрудников скорой медицинской помощи состоит в постановке диагноза и в выборе способов лечения, и на ее решение также оказывают воздействие условия осуществления профессиональной деятельности, в частности:

- высокая ответственность врача, единолично принимающего решение, от которого зависит жизнь и здоровье пациента;
- недостаток и многозначность информации, необходимой для постановки диагноза (в том числе невозможность провести необходимые лабораторные или инструментальные обследования);
- дефицит времени для принятия решения относительно способов лечения заболевания;
- ограниченность способов оказания неотложной медицинской помощи.

Все эти обстоятельства влияют на процесс постановки диагноза, определение методов лечения. В этих условиях особо возрастает роль практического мышления специалиста, ориентированного не на поиск принципиально нового знания, необходимого для решения проблемы, а на принятие решения относительно возможного способа лечения из имеющихся в конкретной ситуации.

В связи с этим в процессе принятия решения сотрудниками скорой медицинской помощи можно обнаружить все характеристики, считающиеся отличительными чертами практического мышления [2], например: ориентация на средства, имеющиеся в распоряжении индивида; учет единичных черт конкретной ситуации; индивидуализированность знаний об объекте; свернутость поиска решения благодаря участию в выборе решения механизмов стереотипизации и категоризации; построение представления ситуации вокруг значимых шкал, выявляющих элементы ситуации, важные для выполнения практической деятельности; возможность перерастания стимульной ситуации в проблемную при

обнаружении рассогласования между реальным и прогнозируемым ходом практической деятельности и др. В частности, построение представления ситуации вокруг значимых шкал проявляется в умении сотрудника скорой медицинской помощи быстро выделять ведущие симптомы и на их основе конкретизировать причины и возможный прогноз развития болезни в зависимости от предпринимаемых действий. Особое значение врачи придают клинической интуиции, которая представляет собой частный случай категоризации сходных ситуаций, возникавших в прошлом опыте специалиста.

Большинство исследований, проводимых сторонниками теории практического мышления, было посвящено выяснению тех его характеристик, которые обусловлены профессиональными требованиями и связаны с предметной стороной конкретной трудовой деятельности. Однако работа сотрудников скорой медицинской помощи включает в себя не только предметный аспект (например, анализ симптомов и постановку диагноза), но и социальный (необходимость проверять достоверность и полноту информации, получаемой в ходе общения от пациента, исходя из его индивидуальных особенностей).

Поскольку практическое мышление как в производственной деятельности, так и в процессе общения направлено на реализацию, то можно предположить, что преодоление коммуникативных затруднений будет частично подобно особенностям решения предметных задач. Однако вопрос о специфике практического мышления в ходе общения остается малоизученным. Одной из причин этого является различное содержание аналогичных понятий, применяемых в социальной психологии и в теории практического мышления. Тем не менее анализ результатов эмпирических исследований показывает, что мыслительной деятельности, направленной на преодоление препятствий, возникающих в процессе общения или в производственной деятельности, присущи некоторые общие особенности, например использование стереотипных способов разрешения затруднений.

В качестве результата действия механизма стереотипизации можно рассматривать иррациональные убеждения, представляющие собой жесткие мыслительно-эмоциональные связи, соединяющие способы интерпретации (толкования) происходящих событий и эмоциональные и поведенческие реакции на них. Термин «иррациональные убеж-

дения» ввел в зарубежную психологическую науку Альберт Эллис, который с его помощью обозначил установки, не имеющие под собой объективных подтверждений, но способные привести к эмоциональным реакциям, имеющим интенсивность, не соответствующую значимости события. Они формируются в течение жизни и без участия осознанного выбора определяют эмоции и поведение человека. Их обязательной характеристикой считается автоматизм, то есть спонтанное появление в определенных обстоятельствах. Аналогичные характеристики присущи представлениям о ситуации, формирующимся вследствие действия механизмов стереотипизации и категоризации, по мнению сторонников теории практического мышления.

С целью изучения способов интерпретации ситуаций социального взаимодействия, типичных для сотрудников скорой медицинской помощи, А. В. Мироновой было проведено исследование, в ходе которого изучались иррациональные убеждения у врачей и фельдшеров СМП посредством применения диагностической методики, разработанной А. Эллисом. В опросе приняли участие 60 чел. Было обнаружено, что у большинства испытуемых преобладают такие иррациональные установки, как фрустрационная толерантность и катастрофизация. Установка «катастрофизация» характеризуется резким преувеличением негативного характера явления или ситуации и отражает иррациональное убеждение в том, что в мире есть события неотвратимые и чудовищные, разрушающие жизнь человека, которые невозможно предотвратить или преодолеть. Установка «фрустрационная толерантность» представляет собой тенденцию негативного реагирования на жизненные трудности, неспособность принять не нравящиеся человеку события. Человек уверен, что не сможет вынести и преодолеть сложившуюся ситуацию.

Доминирование таких иррациональных установок, как фрустрационная толерантность и катастрофизация, обусловлено тем, что в работе скорой медицинской помощи достаточно часто происходят чрезвычайные ситуации (пожары, ДТП, убийства, смерти в присутствии бригады), которые специалисты предотвратить не могут, но к которым они должны адаптироваться. С другой стороны, сотрудникам скорой медицинской помощи приходится иметь дело с самой важной ценностью в мире — человеческой жизнью. Целью медицинского работника любого ранга является облегчение состояния больного и спасение жизни пострадавшего. Для выполнения этой цели врачи скорой медицинской

помощи делают все зависящее от них, работая при этом в самых тяжелых условиях медицинского труда, с ограниченными условиями оказания скорой медицинской помощи. Поэтому при потере человеческой жизни возникает фрустрационное состояние, также требующее от специалиста способности совладать с ним, чтобы продолжать и в дальнейшем оказывать пациентам медицинскую помощь.

Таким образом, профессиональная деятельность сотрудников скорой медицинской помощи протекает в условиях, носящих стрессогенный характер, что отражается на специфике их познавательных процессов (прежде всего мышления), сознания и самосознания [3]. Процесс постановки диагноза и выбора способа лечения имеет все отличительные

черты практического мышления, проявляющиеся не только в определении заболевания и его причин, но и в преодолении затруднений, обусловленных спецификой социального взаимодействия с пациентом. Иррациональные убеждения как результат действия механизма стереотипизации (основного механизма практического мышления) отражают наиболее часто встречающиеся ситуации в профессиональной деятельности сотрудников скорой медицинской помощи — это фрустрационная толерантность и катастрофизация, вызванные чрезвычайными ситуациями (пожары, ДТП, убийства, смерти в присутствии бригады), которые специалисты предотвратить не могут, но к которым они должны адаптироваться.

Список литературы

1. Барыкина, А. И. Об особенностях психологического обеспечения сотрудников скорой медицинской помощи / А. И. Барыкина // Гуманитарный научный журнал. — 2015. — № 1. — С. 35—37.
2. Быструшкина, Н. Г. Категоризация как механизм формирования представления ситуаций / Н. Г. Быструшкина // Личность и общество: проблемы взаимодействия : материалы 5-й Междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию ЧФ УРАО (19 апр. 2012 г.). — Челябинск : Монограф, 2012. — С. 104—106.
3. Васильева, Т. И. К вопросу развития профессионального самосознания практического психолога, работающего в сфере образования / Т. И. Васильева // Личность и общество: проблемы взаимодействия : Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. — 2014. — С. 122—125.
4. Загуровский, В. М. Деадаптационные нарушения вследствие стрессорных факторов в работе членов бригад скорой медицинской помощи / В. М. Загуровский // Медицина неотложных состояний. — 2005. — № 1.

Сведения об авторах

Першина Анастасия Владимировна — Челябинская областная клиническая больница, отделение скорой медицинской помощи, Чебаркуль, Россия. geller91@mail.ru

Быструшкина Наталья Геннадьевна — кандидат психологических наук, доцент Южно-Уральского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения РФ, Челябинск, Россия. psynb@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.
Education and Healthcare. 2019. № 3—4 (7—8). P. 45—48.*

FEATURES PRACTICAL THINKING AT EMPLOYEES AMBULANCE

A.V. Pershina

Chelyabinsk Regional Clinical Hospital, emergency department, Chebarkul, Russia. geller91@mail.ru

N.G. Bystrushkina

*South Ural State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,
Chelyabinsk, Russia. psynb@mail.ru*

The article presents views on the specifics of thinking among employees ambulance due to stressful conditions for the performance of professional activities; describes the results of the study have irrational settings as a manifestation of stereotyped thinking.

Keywords: *professional activity of employees ambulance, practical thinking, stereotyping, categorization, irrational installation.*

References

1. Barykina A.I. On the peculiarities of psychological support for emergency medical personnel. *Humanitarian Scientific Journal*, 2015, no. 1, pp. 35-37.
2. Bystrushkina N.G. Categorization as a mechanism for the formation of the representation of situations. *Personality and society: problems of interaction*. Chelyabinsk, 2012. Pp. 104-106.
3. Vasilieva T.I. To the question of the development of professional self-awareness of a practical psychologist working in the field of education. *Personality and society: problems of interaction: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference*. 2014. Pp. 122-125.
4. Zagurovsky V.M. Disadaptation disorders due to stress factors in the work of members of ambulance crews. *Medicine of emergency conditions*, 2005, no. 1.

УДК 159.9:62
ББК 88.41

СОПОСТАВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ У БУДУЩЕГО И ДЕЙСТВУЮЩЕГО АКТЕРА

А. Ю. Макеева¹, Т. И. Васильева²

¹ Театр «Золотой ключик», Челябинск, Россия

² Детско-юношеский центр Челябинска, Челябинск, Россия

В ходе исследования установлены: специфика индивидуальных черт личности обучающихся детской театральной студии; степень их межгруппового различия с действующими актерами театра. Сопоставление профессионально значимых качеств личности будущего и действующего актера носит междисциплинарный характер, является актуальным как для театральной педагогики, системы дополнительного образования, так и для ряда психологических наук.

Ключевые слова: *профессиональная деятельность, профессионально важные качества личности актера.*

Любая профессиональная деятельность предъявляет к определенные требования к психическим процессам личности, а также к скорости реакций, работе анализаторов, к свойствам личности.

Психологические аспекты творчества и личности актера в большей степени изучаются в работах деятелей театра: актеров, театральных педагогов, театроведов, а также режиссеров. Предметом изучения театра как искусства является познание человека, при этом актерская деятельность есть модель жизнедеятельности личности, включающая в себя различные аспекты: общение, познание, игру, труд. Эти же понятия, но только в качестве основных видов деятельности, рассматривает наука психология.

Творческое пространство театра рождает живую фантазию, яркое воображение. Кроме того, театр и актерское мастерство во многом определяют систему убеждений человека, обеспечивают нравственное развитие, раскрывают творческие способности, подчеркивая индивидуальность каждого, что особенно важно в подростковом возрасте.

На личность актера, вне сомнений, влияет его профессиональная деятельность. В ходе театрального действия на сцене происходит видимое, ощущаемое, переживаемое, непосредственное, живое общение человека с человеком: актер и зрители, актер и партнеры. Объектом отражения театрального искусства является действующий человек. Актерская игра в действии, на сцене, показывает многообразие отношений человеческих характеров, типов, индивидуальностей. Интерес актеров к собственным особенностям и способностям оче-

виден. Однако стоит отметить, что проблема идентичности актерской личности до сих пор не раскрыта полностью.

Вместе с тем профессия актера предусматривает глубокий, многогранный профессиональный тип личности. Принятие и понимание актером собственной идентичности, своего отношения к работе и степени влияния профессии на личность может послужить исходной точкой для исследований в данной области. Исследование личностных характеристик актера может стать основой для дальнейшего изучения и модернизации театральной среды, способствовать целенаправленному формированию профессионально важных качеств личности у детей, занимающихся в театральной студии.

Стоит обратить внимание на один из главных вопросов: насколько и как должны быть развиты определенные профессионально значимые качества и способности, чтобы обеспечить успех в актерском искусстве и в театре в целом. При изучении важно не упускать все своеобразие психологии актера. Творчество актера, на наш взгляд, является не только конкретным сочетанием необходимых психологических качеств, но и своеобразным творчеством психофизиологических состояний личности.

В ходе анализа научной литературы (Б. Г. Ананьев, Е. Гротовский, Л. С. Выготский, К. С. Станиславский, Д. Дидро, Т. В. Пахомова, Ж.-Л. Барро, Е. Я. Басин и др.) по данной теме выявлены профессионально значимые личностные качества актеров, такие как: развитое внимание, эмоциональность и эмоциональная память, ораторские способности, воображение и способность

мыслить творчески, коммуникабельность, трудолюбие, пластичность в работе, развитая вербальная и невербальная экспрессия. Важно понимать, что для успешной актерской деятельности важна способность к наблюдательности, а также умение фокусировать и переключать внимание в рамках сцены. Следующим характерным профессиональным качеством актеров является «сценическое внимание», оно включает в себя способность избирательно направлять восприятие и внимание по ходу театрализованного представления. Эмоциональная память и эмоции однозначно являются ведущими качествами профессии актера: эмоциональная память позволяет запоминать, сохранять и воспроизводить различные чувства и эмоции; спектакль приобретает художественную завершенность в том числе, когда актерская игра качественно передает эмоции и внутренний мир персонажа. Именно поэтому актер стремится развивать память не только для заучивания сценариев, но и для того, чтобы запоминать и воссоздавать чувства и эмоции героя. Следующим важным качеством актера являются ораторские навыки, поскольку всем актерам важно уметь выступать перед публикой, доносить смысл слов героя, вербальными и невербальными деталями передавать суть повествования. Сценическая речь является прежде всего профессиональным средством выразительности актера. Безусловно, для того чтобы успешно вжиться в роль, предать внутренний мир героя, каждому актеру необходимо развитое воображение и, конечно же, творческие способности. Творческий рост актера происходит постоянно, качества и навыки оттачиваются и прогрессируют от спектакля к спектаклю, от роли к роли. Каждое действие в спектакле обогащает эмоциональный багаж, профессионально развивает артиста. Освоение актерского мастерства начинается с тщательной, непрерывной работы над собой. Эта работа включает в себя, во-первых, непрерывное развитие профессионально важных качеств, а во-вторых, репетиции, постоянные тренировки и освоение приемов актерской игры.

Поскольку методы и средства подготовки деятелей театра и прежде всего актеров должны соответствовать тенденциям развития современной педагогики и психологии, фокусом нашего внимания стало изучение степени сформированности профессионально важных качеств личности действующих актеров, а также подростков, занимающихся в театральной студии.

Начав исследование, мы сделали предположение: если обучающиеся детской театральной студии

обладают определенными индивидуально-психологическими особенностями, которые отвечают требованиям театральной деятельности, то это означает, что в структуре их личности имеются предпосылки к освоению данного вида профессиональной деятельности.

Нами была сформулирована гипотеза: у обучающихся театральной студии формируются основы таких профессионально-значимых качеств актеров, как эмоциональность в работе, эмоциональность в общении с людьми, чувствительность к вербальной экспрессии и прогноз последствий поведения.

В исследовании психологических свойств личности приняли участие 46 чел.: 23 обучающихся детской театральной студии «Балаганчик» под руководством преподавателя актерского мастерства Ольги Витальевны Патраковой (возраст испытуемых — от 11 до 13 лет) и 23 действующих актера детского театра города Челябинска «Золотой ключик».

Для выявления профессионально значимых качеств у испытуемых были выбраны две методики: «Опросник структуры темперамента», разработанный В. М. Русаловым; тест «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда (русскоязычная адаптация Е. С. Михайловой на основе французской адаптации 1977 г.).

Предварительно изучив психологические особенности свойств личности обучающихся в детской театральной студии «Балаганчик», мы сделали следующие выводы: у учащихся МБУДО «Детско-юношеский центр города Челябинска» больше всего выражен компонент структуры темперамента «эмоциональность в общении с людьми». Эмоциональная чувствительность в коммуникативной сфере говорит об уязвимости к неудачам в общении, а также о тревожности учащихся и неуверенности в себе. Это можно объяснить особенностями эмоциональных реакций подростков, обусловленных кризисным периодом. Но хотелось бы отметить, что высокая эмоциональность свойственна актерам. Помимо этого, у подростков наблюдаются высокие показатели компонента «эмоциональность в работе», это говорит о высокой чувствительности к неудачам. Отметим, что у обучающихся выявлены средние показатели такого свойства темперамента, как «пластичность в общении с людьми». При этом у данной группы испытуемых прослеживаются затруднения переключения с одного вида деятельности на другой.

Данные о средних величинах свойств темперамента обучающихся в театральной студии и дей-

ствующих актёров, полученные с помощью вычисления среднего арифметического значения и стандартного отклонения, представлены в табл. 1. Анализируя эти данные, следует подчеркнуть, что показатели испытуемых первой группы заметно ниже, чем показатели второй. Однако данные параметра «эмоциональность в общении с людьми» выше у обучающихся в театральной студии. Сравнивая уровни сформированности свойств темперамента обучающихся в театральной студии и действующих актёров театра, хотелось бы отметить, что обе группы испытуемых имеют высокий уровень показателя «эмоциональность в общении с людьми». Это значит, что обучающиеся театральной студии, так же как и действующие актёры общительны, экспрессивны в общении и выражении эмоций. Как известно, эмоциональность — одно из важнейших профессиональных качеств артистов. В своей деятельности актёры должны изображать эмоциональные переживания различных героев, а это предполагает собственные глубокие сценические переживания, которые зависят от эмоциональной возбудимости и реактивности, а также от богатого чувственно-конкретного воображения.

Исходя из представленных в табл. 1 данных следует обратить внимание, что самые низкие показатели выявлены в шкале «эргичность в работе». Этот параметр у обучающихся МБУДО «Детско-юношеский центр города Челябинска» составляет 3,83 балла и является низким, а у действующих актёров театра показатель выше почти в два раза. Это означает, что у будущих актёров предметная эргичность значительно ниже, следовательно, уровень

потребности в освоении предметного мира ниже. Это можно объяснить тем, что в подростковом возрасте существенно перестраивается характер учебной деятельности, а степень вовлеченности по-прежнему остается невысокой.

Отметим, что показатели «эргичность в общении с людьми» существенно ниже у первой группы испытуемых. Данная шкала включает в себя уровни потребности в социальных контактах, а также стремление к лидерству. У действующих актёров показатели значительно выше, это означает, что они больше заинтересованы в социальных контактах и более общительны, чем испытуемые из театральной студии. Следовательно, первая группа испытуемых, вероятно, менее готова к сотрудничеству и коммуникации.

Сравнивая показатели параметра «пластичность в работе», отметим что обучающиеся театральной студии показали результат значительно ниже, чем у действующих актёров. Пластичность в опроснике свойств темперамента В. М. Русалова, содержит вопросы о степени легкости или трудности переключения с одной деятельности на другую. Это означает, что стремление к разнообразной форме трудовой деятельности у актёров театра выше, чем у учащихся студии. Для актёров важна пластичность и способность к частому переходу от одного ритма работы к другому, а также быстрый переход с одного способа мышления на другие.

Хотелось бы обратить внимание, что данные по шкале «пластичность в общении с людьми» отличаются несущественно. Это означает, что склонности к разнообразию коммуникативных программ

Таблица 1

Сравнительная таблица средних величин свойств темперамента обучающихся в детской театральной студии и действующих актёров

Свойство темперамента	1-я группа испытуемых (обучающиеся театральной студии)		2-я группа испытуемых (действующие актёры)	
	Среднее арифметическое значение	Стандартное отклонение	Среднее арифметическое значение	Стандартное отклонение
1. Эргичность в работе	3,83	1,95	6,29	3,46
2. Эргичность в общении с людьми	5,43	2,39	7,58	3,20
3. Пластичность в работе	5,09	2,59	7,04	2,96
4. Пластичность в общении с людьми	6,09	1,28	6,58	1,84
5. Темп в работе	5,35	2,99	7,92	2,87
6. Темп в общении с людьми	5,91	2,19	7,00	2,41
6. Эмоциональность в работе	7,61	2,71	7,79	4,01
7. Эмоциональность в общении с людьми	8,22	2,00	8,17	2,97

у обеих групп находятся на невысоком уровне. Способность к легкому переключению внимания в процессе общения, гибкость, адаптивность, а также адекватность свойственны как актерам, так и обучающимся театральной студии.

Рассмотрим параметры «темп в работе» и «темп в общении с людьми» у обеих групп. Показатели первой группы испытуемых очевидно ниже показателей второй. Из этого следует, что действующие актеры зачастую обладают быстрой реакцией, им свойственна высокая скорость в разнообразных видах деятельности. Для артиста важны выразительные движения. От обучающихся театральной студии их отличает высокий личный темп, быстрота реагирования, в то время как будущие актеры не так быстро и легко включаются в работу. Обратим внимание: темп общения с людьми у профессионалов выше, чем у обучающихся. Это свидетельствует о том, что актеры живо откликаются на все предъявляемые требования и быстро развивают социальные коммуникации. Учащиеся МБУДО «Детско-юношеский центр города Челябинска» включаются в ту или другую ситуацию достаточно медленно, могут быть менее общительны. Актеры, имеющие высокие показатели, отличаются богатой мимикой, жестикуляцией, говорят свободно, без запинок.

На следующем этапе осуществлялось сопоставление показателей свойств личности обучающихся в театральной студии и действующих актеров. У обучающихся в театральной студии развиваются такие профессионально значимые качества актеров, как эмоциональность в работе, эмоциональность в общении с людьми, чувствительность к вербальной экспрессии и прогноз последствий поведения. Данные о взаимосвязи между психологическими свойствами личностей учащихся в театральной студии и действующих актеров, полученные с помощью метода Стьюдента, указаны в табл. 2.

Профиль личности учащихся в театральной студии имеет больше достоверных различий, чем сходств с действующими актерами театра. В частности, будущим актерам театра стоит развивать такие качества, как:

- эргичность в работе;
- эргичность в общении с людьми;
- пластичность в работе;
- темп в работе.

При этом доминантное профессионально значимое свойство личности актеров «эмоциональность в общении с людьми» существенно не отличается от результатов, полученных на выборке обучающихся в театральном кружке.

Таблица 2

Показатели межгруппового различия психологических свойств личности обучающихся в театральной студии и действующих актеров [2]

Свойство темперамента	Значение p^* по методу Стьюдента
1. Эргичность в работе	0,00
2. Эргичность в общении с людьми	0,01
3. Пластичность в работе	0,02
4. Пластичность в общении с людьми	0,29
5. Темп в работе	0,00
6. Темп в общении с людьми	0,11
7. Эмоциональность в работе	0,85
8. Эмоциональность в общении с людьми	0,95

* Достоверно при $p \leq 0,05$.

Исходя из вышесказанного в процессе обучения будущих актеров стоит обращать внимание на развитие таких параметров, как эргичность в работе, эргичность в общении с людьми, пластичность в работе, темп в работе.

«Эргичность в работе» обеспечит будущим актерам высокий уровень активности, работоспособности и энергии. Для актера важно сохранять работоспособность долгое время, даже после продолжительной деятельности. Творческому человеку свойственна жажда деятельности, которая подталкивает к работе даже во время отдыха. Такие люди настойчивы в достижении своих целей, а также в поисках путей преодоления препятствий. Предпочитают работу, требующую полного напряжения сил и способностей.

Будущим актерам необходимо развивать такое качество, как «эргичность в общении с людьми». Актерам театра необходимо постоянное взаимодействие с людьми для поиска новых установок поведения. Они быстро и без затруднений устанавливают контакты с разными людьми. У обучающихся в театральной студии для успешной актерской деятельности необходимо развивать инициативность и социальную активность. Помимо этого, обучающимся необходимо уметь сохранять спокойствие, уверенность в себе при общении с разными людьми или в незнакомой компании. Для будущих деятелей театра важна способность к лидерству, и умение «вести за собой зал».

Актерам театра для профессиональной деятельности необходима легкость переключения внимания с одного вида деятельности на другой, это обеспечивает мобильность в театральной постановке. Из этого следует, что у обучающихся в театральной

студии необходимо развивать такой компонент, как «пластичность в работе». Чем больше показатель данного компонента, тем быстрее осуществляется переход с одних форм мышления на другие в процессе взаимодействия с предметной средой. Лицам с высокими значениями свойственно стремление к разнообразию форм предметной деятельности.

По результатам исследования, действующие актёры театра имеют высокий показатель по параметру «темп в работе». Высокие значения указывают на хороший темп поведения, а также на высокую скорость выполнения заданий при осуществлении предметной деятельности. Таким людям свойственна моторно-двигательная быстрота, а кроме того, высокая психическая скорость при выполнении конкретных операций; именно это и необходимо развивать у будущих актёров театра.

Один из профессионально значимых параметров актёрской деятельности — эмоциональность в общении с людьми. Это качество является доминирующим и хорошо развито как у действующих актёров, так и у обучающихся в театральной студии. Данные о средних величинах компонентов социального интеллекта учащихся МБУДО «Детско-юношеский центр города Челябинска» и действующих актёров, полученные с помощью вычисления среднего арифметического значения и стандартного отклонения, представлены в табл. 3.

Анализируя полученные данные, представленные в табл. 3, следует подчеркнуть, что показатели испытуемых первой группы заметно ниже, чем показатели второй. Это означает, что все компоненты социального интеллекта более развиты у действующих актёров театра. Отметим, что компонент социального интеллекта «прогноз последствий поведения» у обеих групп испытуемых имеет наиболее высокий результат, но у обучающихся в МБУДО

«Детско-юношеский центр города Челябинска» ниже, чем у актёров. Это говорит о том, что у будущих актёров необходимо формировать умение ориентироваться в невербальных реакциях участников взаимодействия, а также раскрывать правила нормо-ролевых моделей поведения, регулирующих общение в целом. Актёры театра, основываясь на понимании чувств, мыслей, намерений участников коммуникации, могут предвосхищать поступки людей. Следовательно, будущим артистам на основе анализа реальных ситуаций общения (семейного, делового, дружеского) следует приобретать опыт различных коммуникаций.

Компонент социального интеллекта «чувствительность к вербальной экспрессии» имеет достаточно высокий уровень у обеих групп испытуемых. Однако учащиеся детской школы искусств показали результат значительно ниже, чем профессиональные актёры. Это означает, что будущие актёры не всегда способны распознать различные смыслы, которые могут принимать одни и те же вербальные сообщения в зависимости от характера общения и контекста конкретной ситуации. Наряду с этим профессиональные актёры обладают высокой чувствительностью к характеру и оттенкам человеческого общения, что помогает им правильно понимать речевую экспрессию конкретных взаимоотношений. Для актёра важно уметь находить соответствующий тон общения с разными собеседниками в разных ситуациях, профессионально важно иметь большой репертуар ролевого поведения.

При сравнении данных по двум группам становится очевидно, что компонент «чувствительность к невербальной экспрессии» выше у профессиональных актёров, чем у обучающихся в театральной студии. Это означает, что будущие актёры

Таблица 3

Сравнительная таблица средних величин компонентов социального интеллекта учащихся в детской театральной студии и действующих актёров

Компоненты социального интеллекта	1-я группа испытуемых (обучающиеся театральной студии)		2-я группа испытуемых (действующие актёры)	
	Среднее арифметическое значение	Стандартное отклонение	Среднее арифметическое значение	Стандартное отклонение
1. Прогноз последствий поведения	7,39	1,92	10,33	2,57
2. Чувствительность к невербальной экспрессии	6,04	2,25	8,54	2,57
3. Чувствительность к вербальной экспрессии	7,57	2,43	10,00	1,35
4. Анализ межличностного взаимодействия	5,26	1,76	6,13	2,42

заметно менее способны правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по их мимике, позам или жестам, в то время как актеры придают большое значение невербальному общению, обращают много внимания на невербальные реакции в ходе коммуникации. Данный компонент, несомненно, важен актерам, так как читать невербальные сигналы другого человека, осознавать их и сравнивать с вербальными необходимо для понимания других людей, а также для выстраивания образа героя.

Любопытен тот факт, что результаты последнего субтеста «анализ межличностного взаимодействия» показали невысокий уровень сформированности данного компонента в обеих группах. Однако стоит отметить, что показатели выше у профессиональных актеров. Это означает, что действующие артисты лучше способны распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике. Они лучше могут анализировать ситуации взаимодействия людей, а также понимают логику их развития, чувствуют изменение смысла ситуации в результате воздействия различных факторов. Обратим внимание на то, что обучающиеся детско-юношеского центра хуже распознают причины определенного поведения людей. Путем логических умозаключений они затрудняются достраивать неизвестные, недостающие звенья в цепи взаимодействия, а кроме того, не могут предсказывать, как человек поведет себя в дальнейшем. Данные о достоверности различий между группой обучающихся в театральной студии и действующих актеров, полученные с помощью метода Стьюдента, представлены в табл. 4.

Таблица 4

Результаты о достоверности различий между группой обучающихся в театральной студии и действующих актеров, полученные с помощью метода Стьюдента [2]

Компоненты социального интеллекта	Значение р
1. Прогноз последствий поведения	0,00
2. Чувствительность к невербальной экспрессии	0,00
3. Чувствительность к вербальной экспрессии	0,00
4. Анализ межличностного взаимодействия	0,17

Анализируя данные, представленные в табл. 4, замечаем положительную динамику в развитии у обучающихся в детской театральной студии таких компонентов социального интеллекта, как:

- прогноз последствий поведения;
- чувствительность к невербальной экспрессии;
- чувствительность к вербальной экспрессии.

При этом доминантное профессионально значимое свойство личности актеров «анализ межличностного взаимодействия» существенно не отличается.

Отметим, что компонент социального интеллекта «прогноз последствий поведения» необходимо развивать у обучающихся в детской театральной студии, так как он является важным для актерской деятельности. Высокий уровень развития этого критерия дает возможность актеру глубже понимать эмоции и мотивы людей, чтобы передать полноту образа на сцене. Хороший актер способен предвидеть последствия поведения, а также может предвосхищать поступки людей на основе анализа различных коммуникаций. Для будущей профессии обучающимся в детской театральной студии необходимо умение ориентироваться в невербальных реакциях участников общения.

Обратим внимание на то, что у будущих актеров необходимо развивать компонент социального интеллекта «чувствительность к невербальной экспрессии». Актеры придают большое значение мимике, позам, жестам, то есть обращают много внимания на невербальные реакции людей. Чувствительность к невербальной экспрессии существенно усиливает способность понимать других, правильно оценивать состояния, чувства и намерения людей по их невербальным проявлениям.

«Вербальная экспрессия» — еще один необходимый компонент для успешной актерской деятельности. Профессиональные актеры имеют большой репертуар ролевого поведения, поэтому способны находить соответствующий тон общения с разными собеседниками. Они обладают хорошей чувствительностью к большому спектру оттенков человеческих взаимоотношений. Это помогает правильно понимать речевую экспрессию в ходе общения.

Сравнивая психологические свойства личностей обучающихся в детской театральной студии и действующих актеров театра, мы сделали следующие выводы.

Воспользовавшись методом статистической проверки гипотезы, критерием Стьюдента, мы получили достоверность различий результатов компонентов методик «Опросник структуры темперамента» В. М. Русалова и теста «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда. Профиль личности учащихся в театральной студии имеет больше достоверных различий, чем сходств с действующими актерами те-

атра. В частности, будущим актерам театра стоит развивать такие качества, как:

- эргичность в работе;
- эргичность в общении с людьми;
- пластичность в работе;
- темп в работе.

Анализируя данные, мы заметили положительную динамику в развитии у обучающихся в детской театральной студии таких компонентов социального интеллекта, как: прогноз последствий поведения, чувствительность к невербальной экспрессии, чувствительность к вербальной экспрессии.

При этом доминантное профессионально значимое свойство личности актеров «анализ межличностного взаимодействия» значимо не различается.

В процессе обучения будущих актеров стоит обращать внимание на развитие таких компонентов, как: эргичность в работе, эргичность в общении с людьми, пластичность в работе, темп в работе, прогноз последствий поведения, чувствительность к невербальной экспрессии, чувствительность к вербальной экспрессии.

Таким образом, у обучающихся в театральной студии развиваются такие профессионально зна-

чимые качества действующих актеров, как: эмоциональность в работе, эмоциональность в общении с людьми, чувствительность к вербальной экспрессии и прогноз последствий поведения, — что полностью подтвердило гипотезу.

Результаты обследования свойств темперамента и особенностей социального интеллекта действующих актеров театра позволили провести сравнительный анализ личностных профилей начинающих и действующих актеров. Материалы проведенного исследования могут быть использованы в работе преподавателя актерского мастерства, а также педагога-психолога в процессе предпрофессиональной подготовки обучающихся в условиях театральной студии.

Учитывая, что главным инструментом профессии актера является он сам, необходимо изучение как его личности, так и театральной среды в целом. Исследования социально-психологических особенностей людей, выбирающих данную профессию, необходимы для совершенствования системы подготовки актеров и структуры постановочного процесса.

Список литературы

1. Батаршев, А. Практическая психология. Диагностика профессионально важных качеств / А. Батаршев, И. Алексеева, Е. Майорова. — СПб. : Питер, 2007. — 192 с.
2. Быструшкина, Н. Г. Математические методы в психологии / Н. Г. Быструшкина. — Челябинск : Изд-во ЧФ УРАО, 2014. — 72 с.
3. Все о психологии. Тест Гилфорда «Социальный интеллект». Теоретические основы [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.psychologia.ru/test-gilforda.html>.
4. Использование методики социального интеллекта в практике профконсультирования : метод. пособие [Электронный ресурс] // Единое окно доступа к информационным ресурсам. — URL: <http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/264/50264/24612>.
5. Интеллектуальный клуб 4Brain. Урок 2. Главные качества хорошего актера [Электронный ресурс]. — URL: <https://4brain.ru/akterskoe-masterstvo/kachestva.php>.
6. Тест «Социальный интеллект» Гилфорда [Электронный ресурс] // Психологические тесты онлайн. — URL: <https://psyttests.org/iq/guilford/guilford.html>.
7. Опросник структуры темперамента. В. М. Русалов (ОСТ) // Тестотека: психологические тесты, диагностические методики, опросники, анкеты [Электронный ресурс]. — URL: <http://testoteka.narod.ru/lichn/1/10.html>.

Сведения об авторах

Макеева Анна Юрьевна — актриса театра «Золотой ключик» города Челябинска, Челябинск, Россия. nusha_7494@mail.ru

Васильева Татьяна Иосифовна — кандидат психологических наук, педагог-психолог МБУДО «Детско-юношеский центр города Челябинска», Челябинск, Россия. vti_01@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.
Education and Healthcare. 2019. № 3—4 (7—8). P. 49—56.*

COMPARISON OF PROFESSIONALLY SIGNIFICANT QUALITIES FOR A FUTURE AND CURRENT ACTOR

A.Yu. Makeeva

“Golden Key” Theatre, Chelyabinsk, Russia. nusha_7494@mail.ru

T.I. Vasilyeva

*Municipal Budgetary Institution for Supplementary Education “Children and Youth Centre of Chelyabinsk”,
Chelyabinsk, Russia. vti_01@mail.ru*

In the course of the study, the following were established: the specificity of individual personality traits of students in a children’s theater studio; the degree of their intergroup differences with the current actors of the theater. Comparison of professionally significant qualities of the personality of the future and the current actor is interdisciplinary in nature, is relevant both for theatrical pedagogy, the system of additional education, and for a number of psychological sciences.

Keywords: *professional activity, professionally important qualities of an actor’s personality.*

References

1. Batarshv A., Alekseeva I., Mayorova E. *Practical Psychology. Diagnostics of professionally important qualities*. St. Petersburg, Peter, 2007. 192 p. (In Russ.).
2. Bystrushkina N.G. *Mathematical methods in psychology*. Chelyabinsk, 2014. 72 p. (In Russ.).
3. *All about psychology. Guilford’s Social Intelligence Test. Theoretical Foundations*. Available at: <https://www.pcyhologia.ru/test-gilforda.html> (In Russ.).
4. Using the methodology of social intelligence in the practice of career counseling: a Toolkit. *A single window of access to information resources*. Available at: <http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/264/50264/24612> (In Russ.).
5. *Intellectual club 4Brain. Lesson 2. The main qualities of a good actor*. Available at: <https://4brain.ru/akterskoe-masterstvo/kachestva.php> (In Russ.).
6. Guilford’s Social Intelligence Test. *Psychological tests online*. Available at: <https://psytests.org/iq/guilford/guilford.html> (In Russ.).
7. Questionnaire of the structure of temperament. V.M. Rusalov (OST). *Test library: psychological tests, diagnostic techniques, questionnaires, questionnaires*. Available at: <http://testoteka.narod.ru/lichn/1/10.html> (In Russ.).